

Вань Фан

ПУСТОЕ ЗЕРКАЛО

空鏡子

Вань Фан

Пустое зеркало

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=74633621

Пустое зеркало: Москва; 2026

ISBN 978-5-907853-06-5

Аннотация

Героини сборника «Пустое зеркало» влюбляются, ищут себя, они полны надежд и остро переживают разочарования, на их пути много взлетов и падений, тоски и радости. Жизнь, напоминает читателями китайская писательница Вань Фан, состоит из мелочей – взглядов, неосторожных слов, каждодневного труда, смеха и песен. Вань Фан мастерски рисует женские портреты на фоне исторических событий Китая в XX веке, точными мазками передавая переживания и нелегкий выбор, как в зеркале всегда отражается жизнь.

Содержание

Пустое зеркало	6
1	7
2	20
3	28
4	42
5	50
6	69
7	81
8	93
9	112
10	119
Пиршество чувств	126
Конец ознакомительного фрагмента.	142

Вань Фан

Пустое зеркало

B&R Book Program

© ООО «Международная издательская компания «Шанс», 2026

© ООО «Восток Бук», 2026

© ООО «Издательская группа «Пекин», 2026

ООО «Издательская группа «Пекин» предоставляет исключительное право на издание и распространение данного произведения на русском языке во всем мире ООО «Международная издательская компания «Шанс». Все права защищены. Не допускается копирование и распространение текста без письменного разрешения правообладателя.

Пустое зеркало

空
鏡
子

Погода в тот день выдалась замечательная: в лучах апрельского солнца кружились пылинки, отчего так и радовалась душа. С самого утра Сунь Янь вертелась перед зеркалом – уже сбилась со счету, сколько раз в него заглянула. «Нет-нет, – говорила она своему отражению, – я смотрюсь не ради того мужчины».

«Тем мужчиной» был Пань Шулинь, и сегодня друзья устроили им свидание. До сих пор ни в чем подобном Сунь Янь не участвовала.

Тополя и софоры в старых хутунах¹ покачивали нежно-зеленой листвой, искрился прозрачный воздух. Троллейбус, несущий Сунь Янь, вырвался из тесноты переулков на просторную улицу, подняв за собой целый вихрь тополиного пуха, и, плавно покачиваясь, помчался вперед. Сунь Янь занервничала. Проезжая мимо северных ворот парка Таожаньтин², она заметила рослую и крупную фигуру своей подруги Чжоу Хунна. Рядом с ней стоял мужчина – Пань Шулинь, как пить дать.

¹ Хутун – китайский жилой квартал, узкие улочки с плотной застройкой. – *Здесь и далее, если не указано иное, примеч. ред.*

² Парк Таожаньтин – парк (59 га) на юго-западе Пекина, известный историко-культурный памятник. На его территории расположена одноименная беседка, которая входит в список четырех знаменитых беседок Китая.

Чжоу Хунна рассказывала о нем перед встречей, но Сунь Янь все-таки удивилась: какой же он смуглый! Не успела она рассмотреть мужчину как следует, как троллейбус затормозил на остановке. Чжоу Хунна стояла на другой стороне дороги и отчаянно махала ей рукой. Сунь Янь направилась к ним с каменным лицом, но в последний момент не удержалась от смеха и прикрыла рот ладонью.

– Дурочка! Чего смешного? – завопила Хунна.

– Прошу прощения! Мне просто неловко, что я задержалась! Извините... – Сунь Янь не договорила. Она была жизнерадостной девушкой, настоящей веселушкой: расплывшись в улыбке, уже не могла остановиться.

Чжоу Хунна похлопала Пань Шулиня по плечу и успокаивающим тоном сказала ему:

– Да ты не переживай! Может, она и выглядит как дурочка, когда смеется, но на самом деле совсем не глупая.

Атмосфера в парке царила весенняя. Над водой нависали густые ивовые ветви, озеро так и манило. Они арендовали лодку на троих: Пань Шулинь сел за весла, Чжоу Хунна расположилась на корме, а Сунь Янь – на носу. Девушки перекидывались фразами через голову Пань Шулиня, а тот молча работал веслами. Двигался он аккуратно, уверенно, и Сунь Янь залюбовалась его выразительной и мощной фигурой. «Вроде такой смуглый, невзрачный, но неприязни не вызывает!» – мелькнуло у нее в голове. Почему-то он начал ей нравиться. Каждый всплеск ритмично опускавшихся

весел отдавался у Сунь Янь в самом сердце.

После той встречи Сунь Янь и Пань Шулинь стали видеться регулярно. Пань Шулинь работал на заводе в пригороде. В субботу возвращался в город, по воскресеньям они обязательно встречались. Постепенно Пань Шулинь освоился и разговорился. Он рассказал Сунь Янь, как служил в армии: если бы не его вспыльчивость и талант ввязываться в драки, непременно стал бы военным. Но ничего не поделаешь, как говорится, проще сдвинуть гору, чем изменить человека.

Глядя на его робкую физиономию, Сунь Янь игриво поинтересовалась:

– Неужели ты действительно такой вспыльчивый?

Пань Шулинь улыбнулся, обнажив ряд белоснежных зубов.

– Честно, не вру!

Сунь Янь тоже заулыбалась.

– И что же, у тебя ни с кем ничего не было?

Ошеломленный вопросом, Шулинь потупился. Сунь Янь искоса смотрела на него.

– Ну, говори! Было так было, нет так нет...

Немного подумав, Пань Шулинь пробормотал, что еще в детстве ему нравилась девушка, но жизнь развела их, и с тех пор они больше не виделись.

– Эх, вот такая она, неразделенная любовь! – шутливо заметила Сунь Янь.

Пань Шулинь искренне закивал.

День выдался ясный. Они сидели на лавочке в парке Бэйхай³. Белая пагода, будто сошедшая с картинки, сияла вдалеке. Сунь Янь много рассказывала о себе: почему не уехала в деревню⁴, а пошла с родителями и старшей сестрой в училище для кадровых работников, как кормила там свиней и тайком бегала на пруд купаться. Пань Шулинь смотрел на нее, но на этом моменте смущенно отвел глаза. Сунь Янь уловила ход его мысли и покраснела. Она сперва немного обиделась, но тут же смешалась, не понимая, что чувствует на самом деле.

Они встречались уже два месяца, но еще даже не держались за руки: все никак не пробежала пресловутая «искра». Коснуться друг друга их вынуждала разве только автобусная толчея. И лишь тогда Сунь Янь ощущала рядом с собой сильное тело Пань Шулиня, а от жара, исходящего здоровым крепким мужчиной, ее сердце млело. Придя домой, она клала локти на стол, ставила перед собой зеркальце и пыталась взглянуть на себя его глазами. «А девочка недурна! – говорила она за него. – Улыбка на круглом личике, яркие глаза...» И оставалась довольна увиденным.

Со временем Сунь Янь уже не выдерживала прямого взгляда, смущенно опускала глаза, принималась кокетни-

³ Парк Бэйхай – один из самых крупных (69 га) парков Китая. Расположен возле Запретного города, ранее был императорским садом. Заложен в X в., с 1925 г. открыт для посещений. Главная достопримечательность – Белая пагода (XV в.).

⁴ Принудительный производственный труд в деревне для городских жителей в период Культурной революции (1966–1976 гг.).

чать, сама того не замечая. Пань Шулинь, напротив, стал еще молчаливее. Оба чувствовали: между ними вот-вот что-то случится.

Вечерело. Они шли вдоль речушки у стен Запретного города⁵. Со всех сторон подкрадывалась темнота, над кронами деревьев подмигивали фонари. Пань Шулинь катил велосипед – единственное разделявшее их препятствие. Беседа иссякла – оба гадали, как разрядить обстановку. Внезапно Сунь Янь остановилась и присела завязать шнурок, а когда встала, оказалась прямо возле Шулиня...

Но поздно: они уже дошагали до улицы Чанъаньцзе. Фонари горели так ярко, что виден был каждый закоулок, а вокруг – ни души.

– Светло-то как! – вздохнула Сунь Янь.

– Да, светло-то как... – эхом отозвался Пань Шулинь.

Сунь Янь прыснула. Шулинь обернулся к ней.

– Что смешного?

Сунь Янь искоса взглянула на него сияющими глазами.

– Интересный ты человек.

– Чего интересного-то?

Помолчав, она ответила:

– Мне кажется, ты очень хороший.

Пань Шулинь покраснел и отвел взгляд. Сунь Янь молчала: ждала, пока он что-нибудь ответит. Наконец он прервал

⁵ Запретный город – дворцовый комплекс, резиденция китайских императоров с 1420 по 1912 г., включен в список всемирного наследия ЮНЕСКО.

паузу.

– Ты тоже.

Ему хотелось взять Сунь Янь за руку, а она трепетала в ожидании. Но он никак не решался и медлил, пока не упустил момент окончательно. И они зашагали дальше как ни в чем не бывало.

Однако теперь ей стало легко и радостно: она будто парила над землей, словно за спиной вдруг выросли крылья. А по пути напевала себе под нос. Пань Шулинь молча прислушивался, а по лицу его пробежала едва заметная улыбка. По залитой светом Чанъяньцзе с ревом проносились машины, а сияющая луна в небесах радостно возвещала: «Хорошо-то как!»

Всю следующую неделю Сунь Янь провела в счастливом ожидании новой встречи, но Пань Шулинь преподнес неприятный сюрприз: ввязался в драку. Это случилось в автобусе: один из пассажиров вышел на остановке, и Пань Шулинь потянул Сунь Янь за локоть, приглашая сесть на освободившееся место. Вдруг какой-то парень прорвался через толпу и плюхнулся на сиденье прямо у нее перед носом.

Пань Шулинь попросил его встать, но нахал даже не шелохнулся, и Шулинь схватил его за грудки. Завязалась потасовка, в салоне испуганно закричали, кондуктор завопил: «Не драться! Прекратите!» В суматохе Сунь Янь тоже попала под горячую руку и не сразу заметила, что у парня течет носом кровь, а лоб рассечен.

Автобус резко остановился. Пань Шулинь вывел Сунь Янь под руку на улицу. Весь автобус наблюдал за ними, но безмолвствовал, а пострадавший, похоже, преследовать их не собирался. Едва они ступили на тротуар, автобус захлопнул двери и умчался прочь.

В тот день Пань Шулинь наконец распахнул перед нею душу и поведал случай за случаем о своих предыдущих драках. Но рассказывал все это с таким задором, что Сунь Янь не сводила с него восхищенных глаз. Как и большинство девушек в такой ситуации, Сунь Янь сочла, что Пань Шулинь просто обворожителен в своей смелости, и сердце ее наполнилось нежностью.

Кто же знал, что уже через несколько дней Пань Шулинь вяжется в новую драку, да еще и с полицейским?

Произошло это совсем недалеко от дома Сунь Янь. Полицейский мчался по хутуну на велосипеде и на выезде задел Пань Шулиня, попутно обругав его.

– Эй! А ну, стой! – мигом отозвался Шулинь. Полицейский опустил ногу на землю и обернулся. – Ну давай, обзови меня еще как-нибудь!

Прочистив глотку, полицейский сплюнул и разразился новыми проклятиями. Пань Шулинь смерил его убийственным взглядом, а затем вдруг выкинул вперед кулак.

Удар вышел сильным. Вокруг собралась толпа, раздались одобрительные возгласы. Шулинь, завершив расправу, собрался удрать, но тут увидел Сунь Янь, а на ее глазах уди-

рать уже было нельзя. Страж закона отконвоировал его до Восточного филиала Управления общественной безопасности. Сунь Янь, испуганная и взволнованная одновременно, следовала за ними в компании парочки зевак из толпы.

В Управлении, однако же, им заявили, что такими делами не занимаются, и отправили их в полицейский участок. Выходя из ворот филиала, Пань Шулинь бросил взгляд на Сунь Янь.

– Ступай! – велел он. – Тебе тут делать нечего.

Вконец оторопевшая, Сунь Янь переводила взгляд с Пань Шулиня на полицейского, не понимая, что делать. Пань Шулинь нахмурился и повысил голос:

– Я сказал, ступай! Не слышала, что ли?!

Сунь Янь поникла. Она стояла на обочине под прицелом множества чужих глаз, и горло ее сжималось от обиды и гнева. Закусив губу, она развернулась и пошла не оглядываясь прочь.

Позже Пань Шулинь позвонил ей. Сказал, что ни до какого участка они так и не добрались. Полицейский с каждым шагом терял боевой настрой. Ему ведь и так уже начистили физиономию, что само по себе уничительно. А значит, чем меньше народу об этом узнает, тем лучше, рассудил полицейский и отпустил задержанного. Шулинь говорил об этом таким довольным тоном, что Сунь Янь всерьез задумалась, как он относится к собственной жестокости?

– Чем ты гордишься? Человека избил – разве это нормаль-

но? – сердито сказала она.

Воцарилось гробовое молчание, и Сунь Янь повесила трубку.

Теперь, если Пань Шулинь заговаривал о драках, Сунь Янь тут же замечала с сарказмом:

– Смотрите-ка, наш герой!

Или же просто перебивала его, отмахиваясь:

– Ладно-ладно, я в курсе, что ты у нас круче всех!

И всякое желание продолжать разговор у Пань Шулиня тут же пропадало.

Раньше Сунь Янь думала, что она отлично знает Пань Шулиня. Честный, прямолинейный – в общем-то неплохой человек! Но теперь ей начинало казаться, что между самим Шулинем и ее ожиданиями от него огромная пропасть. Хотя чего именно она ожидала, и сама сказать не могла. Впрочем, ее мечты ничем не отличались от того, чего жаждет любая девушка: чтоб ее развлекали и чтобы рядом был любящий человек.

Старшая сестра отдала Сунь Янь два билета на балет – постановка «Красного женского отряда»⁶. Сгорая от нетерпения, Сунь Янь тут же позвонила Пань Шулиню и пригласила его. Все три дня она пребывала в молчаливом возбуждении и

⁶ «Красный женский отряд» – знаменитый балет о героизме девушек с острова Хайнань, их борьбе за равенство и справедливость во время гражданской войны 1930-х гг. в Китае. Поставлен в 1964 г. по мотивам одноименного фильма (1960, реж. Се Цзинь). Внесен в список «революционных образцовых спектаклей» Китая.

в четверг вечером пришла к театру раньше назначенного. У входа уже толпились люди: они приветственно махали друг другу, шумно переговаривались, — и зажатая в сутолоке Сунь Янь восторженно озиралась по сторонам.

Скоро стемнело, зажглись фонари, а Сунь Янь так и не дождалась своего Пань Шулия. Убегавшие прочь минуты уносили с собой и всю ее радость. Тьма без остатка поглощала окружавшую ее улицу, все беспощаднее сдавливала со всех сторон. Неясные фигуры опоздавших поспешно забежали в здание театра, и вот уже у входа остались лишь холод да пустота.

Раздражение Сунь Янь сменилось тревогой и растерянностью, но затем она разозлилась еще сильнее и, не соображая, что ей следует делать, уже просто тарасилась на часы.

В освещенном вестибюле не было ни души: представление началось.

И вот, когда она уже собралась расплакаться, из темноты улицы появилась фигура Пань Шулия, толкающего перед собой велосипед. Слезы подступили к глазам, и лишь колоссальным усилием воли ей удалось сдержать их. Окаменев, Сунь Янь наблюдала, как Пань Шулинь подходит все ближе, и не могла вымолвить ни словечка.

Оказалось, что у велосипеда на полпути спустило колесо. Все ремонтные мастерские были закрыты, и Шулинь катил его целую вечность, пока наконец на проходной какого-то учреждения не обнаружил насос; но не успел добраться до

театра, как покрывка снова скукожилась. Пань Шулинь то и дело утирал ладонью пот с багрового лба, вид у него был до того растрепанный, что Сунь Янь понимала: она уже простила его, хотя еще немного сердилась.

Но затем в полумраке театра случилось то, что простить нельзя.

Темп музыки нарастал – вперед, вперед, – словно гигантским шприцом осторожно впрыскивая в кровь Сунь Янь патристические чувства.

Восхищенная, она повернулась в Пань Шулиню. Свет софитов озарял его будто на сцене: голова запрокинута, полукруглый рот смотрит в небо. Он спал.

Сунь Янь отвела глаза. Потом взглянула еще раз. Сердце, поначалу сжавшееся от испуга, захлестнуло гневом, а тот, отхлынув, уступил место презрению.

Пань Шулинь полностью испортил этот вечер. Она смотрела на его разверзнутую пасть. И как такой человек мог ей понравиться?! Сунь Янь отвернулась, но по-прежнему слышала, как неровное дыхание срывается с его губ. Это было невыносимо. Она не выдержала и толкнула его в бок.

Много позже она узнала, что в тот день он вернулся со своей первой ночной смены. Но отношения их с того вечера уже не вызывали в ней былого трепета. Мысли, что роились у нее в голове, больше не имели ничего общего с Пань Шулинем. На одном из свиданий, хотя встреча еще не подошла к концу, оба, не сговариваясь, стали поглядывать на часы:

больше говорить было не о чем.

– Можно у тебя спросить? – поинтересовался Пань Шулинь. – Тебе не кажется, что мы друг другу не подходим?

Ошеломленная, Сунь Янь не нашла, что ответить.

– А тебе? – задала она встречный вопрос.

Но Пань Шулинь промолчал, и Сунь Янь ощутила себя в ловушке: с одной стороны, она старалась не говорить людям неприятные вещи, но с другой – считала, что нужно быть честной. А потому сказала:

– Ты очень любишь драться. Это ужасно.

Пань Шулинь улыбнулся.

– А разве я не сказал об этом с самого начала? Норов у меня скверный...

Следующее воскресенье она решила провести у сестры и с Пань Шулинем не виделась. А чуть позже он сам позвонил и сказал, что прийти не сможет, потому что на заводе проводят баскетбольный матч.

Так, без встреч, прошло две недели, а там и месяц. К Сунь Янь заглянула Чжоу Хунна. Поинтересовалась, когда у них свадьба, но, увидев смущенное лицо подруги, заподозрила неладное и пустилась в расспросы. Сунь Янь рассказала про балет таким саркастическим тоном, что Чжоу Хунна не выдержала.

– Да ты в себе вообще?! Что за бред? Он же всю ночь работал!

Точно премудрая мать, она стала отчитывать Сунь Янь. А

та, глядя на покрасневшееся лицо подруги, слышала, но не слушала, а только думала: «Он даже не симпатичный. И совсем мне не нравится. Встречайся с ним сама, если хочешь!»

Больше Сунь Янь не звонила Пань Шулиню и не брала трубку, когда звонил он.

Тем и закончились их свидания.

Сунь Янь готовилась отмечать день рождения. Ей исполнилось двадцать четыре. Обычно она помнила о дате весь год, а перед самым днем забывала. Но на сей раз этого не случилось, потому что ей напомнили.

В тот мартовский вечер, когда на небе еще догорал персиковый закат, Сунь Янь вышла из автобуса и тут же расчихалась от жуткого холода. Она поспешила в хутун, где стоял ее дом, но, когда проходила мимо продуктового, услышала, как ее окликнули. Сунь Янь остановилась и посмотрела по сторонам. В дверях магазина показалось белое лицо, и в пятно света под фонарем кто-то вышел. Это был Чжай Чжиган. Когда-то они с Сунь Янь учились вместе в начальной школе⁷, и он часто приходил к ней делать уроки. А накануне выпускного она обнаружила у себя в учебнике записку, в которой Чжай Чжиган интересовался, в какую среднюю школу она собирается поступать, мечтал, что будет учиться с ней вместе, говорил, как ему хочется быть с ней рядом. Сунь Янь показала записку сестре, и та посоветовала: «Да пошли его подальше и выкинь из головы!» Тогда Сунь Янь и правда «вы-

⁷ Школа в Китае состоит из начальной, средней и старшей ступеней. Поступают в школу в 6 лет. Обучение в начальной школе длится 6 лет. По завершении школьники сдают экзамены на знание китайского языка и математики и поступают в среднюю школу.

кинула» его и больше с ним не заговаривала. В средней школе они не общались, лишь иногда могли столкнуться случайно, поскольку жили совсем рядом. А много позже Сунь Янь узнала, что Чжай Чжигана послали на производственные работы куда-то на северо-запад.

И тут Чжай Чжиган подошел к ней сам. Невысокий, с бледной нежной кожей, усыпанной мелкими веснушками.

Сунь Янь улыбнулась.

– Ах, это ты? Давненько не виделись!

Чжай Чжиган рассказал, что его перевели обратно в Пекин и теперь он работает в пригороде учителем начальных классов. Они принялись выуживать из памяти имена одноклассников и забрасывать друг друга вопросами – от бывлой натянутости вдруг не осталось и следа. Сунь Янь пригласила Чжай Чжигана как-нибудь заглянуть к ней в гости. Тогда-то она и услышала:

– У тебя же скоро день рождения, да?

Сунь Янь остолбенела. Она заметила, как Чжай Чжиган пытается спрятать глаза, и ощутила себя очень странно. И Чжай Чжигана сковала неловкость, но он все же проговорил:

– Семнадцатое марта... Я всегда помнил.

Совсем смутившись, Сунь Янь не сразу нашла что на это сказать.

– Ого! Память у тебя хоть куда... А помнишь Ли Вань-ли? – И она резко сменила тему.

Наступил день рождения. Говорить об этом Сунь Янь никому не стала, сама не зная почему, но чувствовала, что Чжай Чжиган непременно появится. И лишь вернувшись с работы домой, поняла, что этого не случится. В ожидании ужина она мрачнее тучи завалилась на кровать. Родители о дне рождения дочери даже не вспомнили. Что удивляться? В их детстве такое и отмечать-то было не принято. Но Сунь Янь все равно расстроилась. Она ощутила себя одиноко. Никому не было до нее никакого дела.

Хлопнула входная дверь – это пришла сестра. Она заглянула в комнату и сунула под нос Сунь Янь какой-то конверт.
– Держи, это тебе.

Вечер тут же озарился ярким светом. Сунь Янь бодро объявила, что сегодня у нее день рождения. Все кинулись поздравлять ее, а мама быстро сготовила для нее целую тарелку яичной лапши⁸. Ночью уже в кровати Сунь Янь достала из-под подушки письмо Чжай Чжигана и перечитала несколько раз. Письмо было совсем простое: всего две строчки:

«В день своего двадцатичетырехлетия знай, что твой однокашник поздравляет тебя, желает успехов в работе и всех благ. Будь счастлива».

Потом Чжай Чжиган рассказал ей, что часто бродил рядом с ее домом в надежде встретиться. В тот вечер он больше часа проторчал в продуктовом. Продавец бдительно на-

⁸ В Китае на день рождения принято есть лапшу – это блюдо является символом долголетия. – Примеч. пер.

блюдал за ним, явно принимая за воришку. Чжай Чжиган рассказывал, а Сунь Янь смотрела на него и думала: а ведь этому парню она нравится с самого детства. Все эти годы он помнил о ней. И от этой мысли ее окатывало теплой волною блаженства.

Ни об одной из их встреч они не договаривались заранее, но, когда она ждала его, Чжай Чжиган появлялся всегда.

Как-то Сунь Янь не видела его два дня подряд и уже начала волноваться. Но пока раздумывала, не сходить ли проведать его, Чжай Чжиган наконец появился. Оказалось, что он простудился и все это время провалялся с температурой. Бедняга осунулся, черты его лица заострились, и Сунь Янь вдруг испытала к нему небывалый прилив любви. И когда в сумеречном закоулке Чжай Чжиган положил руку ей на плечо, в глазах ее вдруг потемнело, и она, покачнувшись, упала ему на грудь.

Наступила осень. Они уже планировали свадьбу, ходили по магазинам, выбирая кровать и платяные шкафы: в зеркалах больших гардеробов отражались их ладные фигурки. Они смотрелись идеальной парой и обменивались нежными взглядами. Свадьбу назначили на второе января 1977 года.

Чжай Чжиган свою избранницу боготворил. Он мог долго смотреть на Сунь Янь – так безмолвно и оцепенело, – и это всегда вызывало у нее приступ хохота: «Ты, случаем, не заболел?»

Он постоянно допытывался, почему она рассталась с Пань

Шулинем. Но лучшего объяснения, чем «не сошлись характерами», ей придумать не удавалось. Чжай Чжигана такой ответ не удовлетворял, и он спрашивал снова, порой доводя Сунь Янь до истерики.

– Что именно ты хочешь услышать? – восклицала она. – Что я встретила тебя и тут же про него забыла? Это тебя устроит?

Тогда Чжай Чжиган с очень серьезным видом стискивал руку Сунь Янь.

– Я к тебе со всей душой, а ты вон как... Не нравлюсь – так и скажи. Терпеть не могу, когда ты такая! – говорил он с упреком и прожигал ее взглядом так, будто хотел расплавить. Отшутиться у нее не получилось: чувства спутывались в клубок. При любом удобном случае Чжай Чжиган хватал ее в охапку и принимался целовать, багровея, как пьяный. Внутри у нее все немело, как от электрического разряда, и она невольно обнимала его в ответ. Но оба держались и не позволяли себе большего. Канун свадьбы Сунь Янь провела во власти безумных фантазий и потаенных надежд.

Жизнь после свадьбы несколько разочаровала ее. Днем на работе они мечтали друг о друге и, вернувшись к вечеру домой, думали только об одном. Едва наступало время ложиться спать, они лихорадочно сбрасывали одежду, запрыгивали в постель и ныряли под одеяло. Чжай Чжиган приходил в такое возбуждение, что кульминация наступала быстро, но Сунь Янь подозревала, что это не приносит ему удо-

вольствия. Сразу после бурных ласк он, слегка помрачнев, засыпал, и от постельного безмолвия ей делалось одиноко.

Зима пролетела, и весна вступила в свои права. Лицо оведал теплый ветерок, и жизнь как будто переменялась. По утрам на улице было уже светло, да и после работы темнота наступала все позже. Едва Сунь Янь приходила домой, Чжай Чжиган тут же поджаривал овощи. При одном взгляде на мужа глаза ее наполнялись светом, и любая его стряпня казалась изысканным деликатесом.

Больше всего они любили воскресенье – день, когда можно вообще не выходить на улицу. Чжай Чжиган всегда умел заполнить этот день хлопотами по дому. Они до блеска отдраивали свою комнатку, вешали на стены свадебные фотографии, на которых оба улыбались, соприкасаясь головами. Чжай Чжиган все так же обожал Сунь Янь, и она все смеялась, говоря, что он прилипчив, как няньгао⁹, а еще шутила, что он слишком рано созрел: уже в начальной школе писал ей записки и приглашал встречаться.

На это воспоминание Чжай Чжиган довольно заявлял:

– Послушай, но я же всегда знал, что мы друг другу подходим. Вот мои слова и сбылись! – Он подходил и обнимал ее. – Ты моя жена...

– Кто это тут твоя жена?! – со смехом сопротивлялась Сунь Янь, и Чжай Чжиган щекотал ее. Сунь Янь глотала воз-

⁹ Печенье круглой формы из клейкого риса, популярное блюдо на китайский Новый год.

дух, корчась от смеха, и только постанывала:

– Ох!.. Не надо, хватит... Я сейчас задохнусь!

Наступило лето. По ночам Сунь Янь ложилась на циновку в одной лишь майке, но все равно обливалась пóтом и долго обмахивалась веером перед сном. Чжай Чжиган протягивал было руку к жене, но Сунь Янь останавливала его:

– Не стоит... Слишком жарко!

Ее отказов Чжай Чжиган зачастую не слушал, действовал настойчиво и торопливо. А своей лихорадочностью как будто заражал ее тоже: в его объятиях она и сама становилась нервной и дерганой, что ужасно ее расстраивало. Однажды, отбиваясь от него в темноте, она жалобно вскрикнула:

– Ну что ты за человек?.. Да как так можно?!

Ничего не ответив, он перекатился на спину и затих.

Сунь Янь приподнялась и повернула выключатель. Чжай Чжиган зажмурился.

– Что с тобой? Чего молчишь?

Но Чжай Чжиган не отзывался. И глаз не открывал.

– Ну что ж... – процедила она, задыхаясь от гнева. – Советую не лезть ни к кому против их воли, ясно тебе?

Она отвернулась. Но вскоре почувствовала, как Чжай Чжиган прижался к ее спине и начал убаюкивать, хрипло бормоча:

– Эй... Ну ладно тебе... Ну не злись!

Сунь Янь не реагировала. Тогда муж тронул ее за плечо, а затем протянул руку и начал тискать грудь. Сунь Янь ощутила

вдруг, что падает в сладостную пустоту, но долго это не продоллось. Поначалу ее разрывало между удовольствием и отвращением, но в итоге отвращение победило. Оттолкнув руку Чжай Чжигана, она обернулась и посмотрела ему в глаза.

– Скажи... что с тобой не так? Только правду говори! – наконец выдавила она.

Чжай Чжиган и правда довольно рано созрел как мужчина, но воспитывался так строго, что о своих затруднениях в сексе узнал только после женитьбы.

В постели с женой он чересчур возбуждался и не мог долго сдерживаться. Всякий раз он воображал себя свирепым тигром, готовым разорвать все вокруг в клочья, но едва приступал к делу – тут же достигал развязки, не успев насладиться. Сунь Янь поначалу успокаивала его и призывала не расстраиваться, но со временем утешить его стало уже невозможно.

В тот ужасный вечер все и открылось. После они еще долго не заговаривали об этом, но проблема, как навязчивая тень, привносила в отношения дух раздора.

Чжай Чжиган сходил к знахарю и начал пить лекарства, но жене о том не рассказывал, а она и не спрашивала. Не то чтобы Сунь Янь не хотела заботиться о муже, она просто не знала, что делать. Украдкой от него она изучила нужную литературу и выяснила, что преждевременная эякуляция может быть и болезнью. Но даже четкий шрифт медицинской брошюры не помог уяснить, каковы же у той болезни причины.

Сунь Янь жалела Чжай Чжигана и делала все, что могла, лишь бы избавить его от страданий, но в самый ответственный момент ничего не получалось. Она вычитала в книгах

про специальные позы, но при одной мысли о том, чтобы принимать их самой, ей делалось дурно.

* * *

Пошел снег. Колючая крошка била в лицо, мир окутала белесая пелена. С наступлением темноты жуткий ледяной ветер, порыв за порывом, раскачивал верхушки деревьев. Сунь Янь зарывалась в постель с головой, от холода ее хотелось то кричать, то смеяться. Укутав ноги потеплее, она вцепилась в одеяло и прислушивалась к вою ветра за окном. В их комнатке было тепло и тихо, на печке закипал чайник.

Нарочито медленно захлопнув дверцу печи, Чжай Чжиган скинул одежду и нырнул в постель к жене. Они лежали бок о бок, каждый под своим одеялом, и молчали. Потом Сунь Янь повернулась к Чжай Чжигану, и он ласково посмотрел на нее. Протянув руку, Сунь Янь погладила его по щеке и робко произнесла:

– Эй, не расстраивайся. Ничего же страшного, правда!

Чжай Чжиган молчал. Сунь Янь залезла к нему под одеяло. Они занялись любовью – нежно, неторопливо. И это было чудесно, и все прошлые переживания и страхи казались уже позади.

На какое-то время их отношения наладились. Вечерней обязанностью Сунь Янь стало подогревать ему снадобье. Налив его в пиалу, она приносила Чжай Чжигану и смотрела,

как он пьет. Она гордилась тем, что смогла оказать ему эту помощь, ведь это подтверждало искренность ее чувств.

Дома в выдвижном шкафчике они хранили тетрадь, куда вносили ежедневные расходы. Вести ее относилось к обязанностям Чжай Чжигана. За год с небольшим у Сунь Янь успела выработаться привычка: получив зарплату, сразу отдавать ее мужу с облегчением от того, что ей не придется забивать голову всей этой бухгалтерией. Сунь Янь считала, что ей страшно повезло.

Всю зиму Чжай Чжиган пил свое снадобье, а потом перешел на лекарственные шарики. Ему требовалась полная до краев чашка воды, чтобы проглотить целую горсть из сотни горошин. Для Чжай Чжигана это было мучительно, и после его отрыжки еще долго несло аптекой.

Одним весенним воскресным днем Сунь Янь лежала в кровати и читала книгу. Чжай Чжиган разбирал счета за столом, с улицы доносился галдеж прохожих. На тополях и софорах набухали почки, а с ними и сердца людей. Сунь Янь подняла голову, посмотрела в окно на голубое небо, подобное тонкому слою льда, и, тихонько вздохнув, перевела взгляд на мужа. На его бледном сосредоточенном лице различалась каждая веснушка, а меж бровей наметились три вертикальные складки. Не отводя взгляда, она машинально продолжила наблюдение. Определенно, фигуре ее супруга не доставало мужской энергичности, в его глазах не горел огонек. Порой он казался таким чужим, что она почти забы-

вала, что их связывает.

Чжай Чжиган вдруг поднял брови.

– А яйца, что ты купила тогда... Почему там вышло?

Сунь Янь встрепелась. И, чуть подумав, ответила:

– Восемь мао¹⁰.

Она прочитала еще страницу, как вдруг не удержалась и выпалила:

– Слушай, тут пишут, что каждый человек – заложник своей судьбы. Я верю!

Чжиган отложил ручку и задумался.

– А ты считаешь, судьба несправедлива?

Такого ответа Сунь Янь не ожидала никак. Муж понял ее настолько превратно, что вызвал у нее кривую улыбку.

– Что смешного? Есть что сказать? Говори.

У Сунь Янь не было желания произносить ни слова.

– На самом деле я тебя полностью понимаю, правда, будь я тобой, я бы тоже считал ее несправедливой.

– Чушь не болтай! Ты мной не был и никогда не будешь, – взорвалась Сунь Янь.

– Ладно, чушь так чушь, – мягко, словно оправдываясь, улыбнулся Чжай Чжиган. – Только знаешь, я ведь тоже об этом думал... Может, даже больше, чем ты... О том, что такое судьба. Ведь человек, по сути, – букашка или еще меньше букашки, хочешь верь, хочешь нет...

– Ты-то уж точно букашка! – съязвила Сунь Янь.

¹⁰ Мао – денежная единица; 1 юань равен 10 мао.

Чжай Чжиган поперхнулся и облизал губы.

– Это, конечно, просто фигура речи. Так... чтобы себя успокоить.

Чжай Чжиган не пытался с ней спорить, он лишь прямо говорил, что думал. Сердце Сунь Янь задрожало от жалости, и она с утешеньем заметила:

– Зачем ты так? Разве тебе живется не хорошо?

– А чего хорошего-то?

– Ну вот... со мной же тебе хорошо?

Чжай Чжиган бросил на нее взволнованный взгляд и вымученно улыбнулся.

– Хорошо, что ты это знаешь. А большего мне и не надо.

Глубоко в душе Сунь Янь всегда считала себя самой обычной женщиной, ведущей самую обычную жизнь. Своими горестями она не делилась ни с кем, даже с родителями и сестрой. И когда мать заботливо интересовалась: «Ну что, когда деток думаете рожать?» – Сунь Янь отвечала вызывающим взглядом: «Ну, хватит! Поменьше б ты об этом беспокоилась...»

Дни пролетали быстро. Не успели они глазом моргнуть, как наступил сезон капусты. На выходных они хлопотали без передышки, и к вечеру под их окном ровными рядами было уложено сто пятьдесят килограммов первоклассной капусты. Белой, крепкой – просто загляденье. Оба страшно устали, на скорую руку сварганили лапши и завалились спать. А утром, выйдя на улицу, обнаружили, что вся улица покрыта опав-

шими листьями, дует сухой и холодный ветер, почти беспрерывно завывающий в закоулках.

Дни становились короче, и в сумерках люди спешили разбежаться по домам. В ожидании автобуса Сунь Янь продрогла и спряталась в магазине у дороги. А в салоне ее зажали так, что она не могла пошевелиться и в спешке начала кричать: «Стойте, тут еще люди выходят!» В конце концов, взъерошенная, она продралась через просветы между пассажирами, и, когда ее выплюнуло из дверей, она споткнулась о бордюр и растянулась на тротуаре.

Автобус ушел, и горькие слезы обиды хлынули сами собой. Она рыдала, всхлипывая в голос. Дома Чжай Чжиган уже ждал ее с готовым ужином, и лишь тогда она успокоилась.

Прошел еще год. Ценой огромных усилий Чжай Чжиган перевелся в районный отдел образования. Контора была в трех шагах от дома. Он располнел и каждое утро требовал новый, чистый воротничок.

Что до Сунь Янь, она пошла на бухгалтерские курсы. Ей страшно хотелось перемен, хотя каких именно она понимала плохо. После работы она бежала на учебу и вместе с толпой незнакомых мужчин и женщин вваливалась в залитую светом аудиторию. Входил преподаватель, вечно витающий в облаках. С отсутствующим лицом он лаконично излагал материал, а Сунь Янь внимательно слушала и конспектировала его речи в тетради. В полдевятого звенел звонок. Все соби-

рали вещи и, устало галдя, разбрёдались восвояси.

Давно позабыв, каково быть студенткой, сейчас Сунь Янь вновь чувствовала себя юной и ходила в приподнятом настроении. После занятий один парень из группы шел с ней в ту же сторону. Поначалу они лишь кивали друг другу в знак приветствия, но постепенно стали здороваться, а потом и разговаривались. Оба ездили на автобусе, и Сунь Янь выходила первой.

Фамилия у парня была Ло, и Сунь Янь решила называть его уменьшительно Сяо Ло, что значит «маленький силок для птиц». Когда же он задумался, как лучше обращаться к ней, она предложила называть ее по-взрослому «госпожа Янь», все-таки она старше. Но он тут же смерил ее лукавым взглядом.

– Янь значит «ласточка», так? Тогда ты у нас будешь Сяо Янь, «маленькая ласточка». Тебе подходит!

Она усмехнулась:

– Да тебе сколько лет-то?

– Двадцать пять! – улыбнулся Ло. – А тебе?

– Угадай.

– Двадцать один? Двадцать два?

Сунь Янь развеселилась:

– Последняя попытка!

Ло был рослым, куда выше Сунь Янь, и, чтобы заглянуть ему в глаза, ей приходилось задирать голову. Ее запрокинутое личико сияло очаровательным свежим румянцем. Еще

и поэтому Ло оторопел, когда она сообщила, что ей скоро тридцать.

Возрасту она прибавила себе намеренно – на самом деле ей пока не исполнилось и двадцати восьми. Недоверчивый вид Сяо Ло привел ее в восторг.

– Ну что? Все-таки остановимся на «госпоже Янь»? – И она задорно рассмеялась.

В то время Ло собирался перевестись по работе в другой филиал, но начальство по-мирному не отпускало, и он готовился писать заявление. Сунь Янь восхищалась его смелостью, но в то же время переживала.

Дома она рассказала об этом Чжай Чжигану.

– А ты? Смог бы вот так? – спросила она мужа под конец.

Чжай Чжиган как будто не понял вопроса и просил ее странным взглядом.

– Я псих, что ли? Что ты хочешь этим сказать?

Такой ответ ее разозлил, и она поняла, что разговора не выйдет.

– И что ты за человек! – раздраженно бросила она, да тут же и осеклась под его молчаливым взглядом.

На какой-то миг они попытались испепелить друг друга ненавидящими взглядами, но тут же остыли, смутились и помирились. Чжай Чжиган стал расспрашивать, как проходят ее занятия, и что там творится у Ло. И тогда Сунь Янь созналась: она тоже не хочет работать, а хочет уволиться.

– И чем же ты собираешься заняться? – с легким превос-

ходством спросил Чжай Чжиган.

В голове у Сунь Янь роился миллион возможных ответов, но выдать она смогла лишь один:

– Да кто его знает... Это я так, не всерьез!

На тот момент она осознавала, что семейные отношения не ладятся, и не хотела открывать Чжай Чжигану душу. Она стала относиться к нему с пренебрежением, а от серьезной физиономии мужа, поправляющего перед зеркалом свой фальшивый воротничок, ее просто мутило. Но он продолжал пить лекарства, а по хозяйству хлопотал уже исключительно ради нее, за что Сунь Янь, конечно, оставалась ему благодарна.

Бухгалтерские курсы закончились, а Сунь Янь и Ло продолжали общаться. Встречались они с определенной целью: подыскать Сяо Ло подругу.

Вот и сегодня Сунь Янь рассказывала ему об одной девушке, выкладывая все что знала, а Сяо Ло только слушал, кивал да посмеивался. Рассердившись, Сунь Янь прикрикнула:

– Алло! Я вообще-то скоро охрипну уже! Может, хватит нос задирать?!

Но Сяо Ло все улыбался. Глядя на него, Сунь Янь склонила голову набок и вдруг сама расплылась в улыбке. А затем выставила кулачки и заколотила его по спине.

– Так не пойдет! Ты слишком высокий! У меня уже шею сводит пялиться на тебя!

Ло захохотал так безудержно, что даже сбился с шага, но быстро овладел собой.

– Ты знаешь, что ты очень милая?

Польщенная, Сунь Янь залилась краской, но тут же отмахнулась:

– А что толку? Мы же с тобой не на свидании!

А потом подошел автобус. Сяо Ло помог ей забраться в салон, и, пока они ехали, их руки на железном поручне соприкасались. Сяо Ло проводил ее до хутуна, и она помахала ему.

– Ну, ступай уже... До свидания!

Но Ло стоял руки в брюки, не двигаясь с места. И лишь убедившись, что Сунь Янь не оборачивается, сам ушел во-сво-яси.

Подобных встреч было несколько. И постепенно Сунь Янь начала осознавать, что Ло ей нравится, что ее тянет к нему все сильнее. Ночью в темноте она лежала и молча распутывала клубок своих сердечных загадок. Ло уже открыто признает, что она ему нравится. Что же их ожидает дальше?

Шагать с ним рядом она обожала: он был таким высоким и таким юным. Неужто он и правда влюбился в нее так сильно, как говорил? Определенно, он нравился девушкам, а многие не прочь и выскочить за него...

За окном начало светлеть, и Сунь Янь поняла, что провела в размышленьях всю ночь. Муж крепко спал, его ровное дыхание слышалось прямо под боком. Боже, эти муки невы-

носимы! Почему в нашей жизни вместо счастья сплошные страдания?!

От постоянной бессонницы ее мучила головная боль, а на лице читалось измождение. Однажды, смотрясь с зеркало, она обнаружила у себя седой волос и от удивления невольно вскрикнула:

– Ну вот! Только седины не хватало!!

– Да что ты орешь? Только людей пугаешь... – усмехнулся Чжай Чжиган. – Я давно с такими хожу, и что такого?

Но Сунь Янь не могла успокоиться. Она уже старуха. Вот и седина в волосах. Кто же теперь влюбится в нее по-настоящему? От этих мрачных мыслей она упала духом, но тут же и осознала: пришло время решительных действий.

И она написала Сяо Ло письмо о том, что больше не хочет его видеть. Написала – да тут же и порвала. Ведь если между ними ничего не было, зачем вообще такое писать? Чтобы он напридумывал себе лишнего?

А чуть погодя Ло позвонил ей и вдохновенным тоном заявил, что должен кое-что рассказать. Они договорились встретиться после ее смены. Весь рабочий день она блуждала в своих мыслях, перескакивая с одной фантазии на другую о том, что же такого важного расскажет ей Сяо Ло.

Например, он скажет, что хочет быть с ней. И что же тогда? Тогда она могла бы... развестись! От этой мысли сердце чуть не выпрыгнуло из груди. Ее захлестнула невольная жалость к Чжай Чжигану: разве он сможет найти себе кого-то

еще? Сунь Янь представила его несчастное, преданное лицо и подумала: да, этот человек искренне любит ее, но она уже не отвечает ему взаимностью. Это ее вина, он тут ни при чем... И что теперь? Не разводиться и жить с ним дальше? Но это же тоска! Беспросветная и смертельная...

Завидев Сунь Янь, Ло размашистым шагом направился ей навстречу. Глядя на его расслабленную походку, Сунь Янь забыла обо всем на свете и расплылась в улыбке. Ло предложил угадать, что произошло, и на удивление Сунь Янь моментально попала в точку:

– Ты уволился?

Ло звонко хлопнул в ладоши.

– Ха! А ты догадлива...

Событие полагалось отметить. Они отправились в кабак, заказали бутылку вина и долго болтали без умолку. Ло предложил Сунь Янь перейти в его контору, сам он уже отработал там целых два дня, занимался продажами. Обязанностей у него, конечно, прибавилось, но и платили куда больше, чем на прежнем месте.

Они ели и болтали обо всем на свете: о работе, о своих планах, о социальных проблемах. Поднося палочки к губам, Сунь Янь искоса бросала на Сяо Ло игривые взгляды. Тот понемногу притих, и в беседе стали появляться многозначительные паузы. Кабак закрывался, и они вышли на улицу. Сунь Янь немного волновалась: шел уже десятый час, но, добравшись до остановки, они не сели на автобус, а продолжи-

ли идти пешком.

«Что есть счастье?» – размышляла Сунь Янь на ходу. На самом деле, вот так идти – уже счастье. Смешно звучит, но это правда...

И тут Сяо Ло осторожно спросил:

– Можно вопрос? Если, конечно, сможешь ответить... Как у тебя отношения с мужем?

На секунду Сунь Янь обомлела. Но затем рассеянно про-
бормотала:

– Да кто же знал, что все так обернется...

– Как обернется? – настаивал Ло.

Сунь Янь задумалась.

– Характерами не сошлись. Он интроверт, а еще очень серьезный.

– Да уж... ты совсем не такая! – улыбнулся Сяо Ло. – Ты открытая, бойкая. Не то, что остальные...

– А это плохо? – поинтересовалась Сунь Янь, хотя прекрасно знала ответ.

– Хорошо, конечно! Мне нравится.

Сунь Янь натянуто улыбнулась. Пусть думает, что его слова показались ей забавными.

– Значит, и тебе стоит найти такую же бойкую. Только это непросто...

– Так я уже нашел тебя, Сяо Янь, – игриво усмехнулся Сяо Ло.

– Да что ты? А нельзя ли поуважительней к старшим?

– Ох, Сунь Янь... – Ло посерьезнел. – Не люблю, когда ты так говоришь! Не забывай, что ты старше меня всего на три года.

Они замолчали. Сунь Янь трепетала, а Сяо Ло над чем-то задумался, будто сдерживая себя. Пауза становилась гнетущей. Через несколько шагов Сунь Янь резко остановилась.

– Хватит! Мне пора домой.

– Ладно... Я провожу тебя.

В автобусе они ехали, не говоря ни слова. Сунь Янь запретила Сяо Ло выходить с нею вместе, но он не послушался.

От остановки до хутона оставалось рукой подать. Они шагали все медленней, пока не остановились. В свете фонаря обоим было неловко: каждому хотелось укрыться где-нибудь потемнее.

– Идем! Я доведу тебя до дома, – сказал Сяо Ло, и Сунь Янь покорно последовала за ним в глубь неосвещенного хутона. Казалось, на всем белом свете остались только они вдвоем. Что же дальше? Сунь Янь ощутила слабость: силы покинули ее. «Будь что будет», – подумала она...

И тут чья-то фигура вынырнула перед ними из темноты.

Из мрака показалось и мутно блеснуло лицо Чжай Чжигана. Сунь Янь оцепенела, не понимая, что делать, но вскоре очнулась и торопливо произнесла:

– Иди, мой муж пришел. Иди же! Увидимся.

И она быстро направилась к Чжай Чжигану, оставив Ло за спиной. Поравнявшись с мужем, она старательно выдавила улыбку.

– Ой, а ты здесь откуда?

– Кто это был? – не откладывая, спросил Чжай Чжиган.

– Где? – Сунь Янь попыталась изобразить непонимание, но гнетущее чувство стыда заставило ее осечься. – Ах, да... это Ло. Я же тебе говорила.

– Куда он убежал?

– Домой.

– А где он живет?

– Тебе что, прописку его показать?!

Сунь Янь вдруг преисполнилась осознания своей правоты. В конце концов, скрывать ей совершенно нечего!

Чжай Чжиган с ненавистью уставился во тьму переулка у нее за спиной. Сунь Янь не удержалась и обернулась, но, странное дело, в переулке не было ни души. Ло и след простыл. Сунь Янь оцепенела в недоумении, но потом облегченно выдохнула:

– Пойдем домой, а?

Она сделала уже несколько шагов, когда заметила, что Чжай Чжиган не двинулся с места, и остановилась:

– Эй, ты чего? Идешь?

Чжай Чжиган не реагировал. Ей пришлось вернуться обратно. Она потянула мужа за локоть. Чжай Чжиган покачнулся и будто по инерции поплелся за ней.

С полминуты она тащила его за собой. Затем ситуация показалась ей уже совсем нелепой. Не отпуская его локтя, она с улыбкой сказала:

– Эй, ну давай. Идем же!

Но он резко выдернул руку. Сунь Ян вздрогнула.

– Да пошла ты! – взорвался Чжай Чжиган, и глаза его заблестели от ярости. – За кого ты меня держишь?! Думаешь, я совсем идиот?! Так вот знай: я тебя раскусил, дорогая. А ты как думала? Развестись собралась? А я тебе вот что скажу: не выйдет! Невозможно, у тебя нет оснований! Или я совершил что-нибудь недостойное? А?

Из арки донеслось чье-то бормотание, а затем показались соседские дети: они выносили мусор.

– Пошли! Дома поговорим... – сказал Чжай Чжиган.

Но Сунь Янь не могла пошевелиться, сердце колотилось как бешеное. Дети, проходя мимо, с любопытством оглянулись на нее. Чжай Чжиган не оборачивался. Сунь Янь прошила его спину яростным взглядом, но все же последовала за ним.

Больше в тот вечер она не вымолвила ни слова. Что бы муж ни сказал – она хранила молчание. Чжай Чжиган расценил это как признание вины. Вообще-то, ругаться с ней он даже не собирался. Напуганный ее бледностью и молчанием, он уже пожалел, что заговорил о разводе, и решил выражаться осторожней.

Спать Чжай Чжиган пошел первым. Сунь Янь все сидела за столом. Злость уже прошла, но мысли путались, а от тоски хотелось плакать. Огоньки в окне над столом задрожали, перед глазами все поплыло. Сунь Янь закрыла лицо руками и горько разрыдалась.

Чжай Чжиган, не двигаясь, лежал на кровати и смотрел в потолок, но в конце концов не выдержал.

– Ну, чего ты расклеилась? Еще и реветь удумала!

Поднявшись, он сдернул с проволоки полотенце и протянул жене.

Та взяла полотенце, прижала к лицу и сквозь сопли и слезы невнятно запричитала:

– Да смысла же никакого... Ну, правда, как же все... бессмысленно!

Чжай Чжиган исподлобья смотрел на нее. Раздираемый ненавистью и унижением, он готов был вклепать ей затрепачку и даже сжал кулаки. Но Сунь Янь ничего не заметила. Она встала, тихонько набрала воды, умылась и легла в постель.

На другой день Ло позвонил ей проверить, как дела. Событий вчерашнего вечера никто из них не поминал. Теперь они созванивались все чаще. Ло был очень занят: мотался в долгие командировки по торговым выставкам. Однако нашел время и подарил Сунь Янь учебники по бухгалтерии. Она стала учиться дома и прямо сообщила мужу, что книги – от Ло.

На их хутун обрушился ливень, и в доме обвалилась стена – к счастью, никого не задело. Разверзшийся провал позорно открывал их комнату чужим взглядам. Каждый день, когда Сунь Янь проходила мимо проема, ей так и чудилось, будто неведомо кто с мрачным удивлением наблюдает за ними снаружи. Прошло много дней, прежде чем рабочие, присланные жилищным управлением, наконец-то залатали разлом.

Чжай Чжиган почти не заговаривал с ней, но это ее не расстраивало. Напротив – чем дальше, тем крепче становилось ее желание изменить свою жизнь. Через полгода с лишним Сунь Янь сменила работу: устроилась кассиром в больничную аптеку, – но уже через год уволилась и стала бухгалтером в издательстве.

Еще когда Сунь Янь работала в больнице, Чжай Чжиган все пытался убедить ее пройти обследование и выяснить, почему она не беременеет. И хотя ей совсем не хотелось, она

все же сходила к врачу. Тот никаких проблем не нашел: с ее здоровьем все было в порядке. Но Чжай Чжиган продолжал вздыхать. Сам он давно пил лекарства, и те помогали, так почему же детей у них нет до сих пор? Эта загадка превратилась в его одержимость.

Сунь Ли – старшая сестра Сунь Янь – вышла замуж за аспиранта и родила сына. Сунь Янь обожала своего племянника, да и Чжай Чжигану мальчишка нравился. Иногда малыш делал их ближе, а иногда разжигал вражду. Нередко Сунь Янь делилась наболевшим с сестрой. Сестра была женщиной сильной и амбициозной. Сунь Янь прекрасно понимала, что родную сестру ей не перещеголять никогда.

Понимала она и сестрицыны советы, да только выполнить их никак не могла. А советовала ей Сунь Ли в целом вот что: *хочешь понять, что тебе действительно нужно, – следуй своим желаниям*. Непрозрачно намекая на то, что у Сунь Янь могло бы неплохо получиться и с Ло, если она *действительно* этого хочет. Но когда Сяо Ло пропал из жизни Сунь Янь, сестра заподозрила неладное:

– Я не пойму, тебя с ним, кроме болтовни, ничего... *поглубже* не интересует? Ты понимаешь, о чем я!

Интересует или нет? С этим Сунь Янь разобраться никак не могла. Сам факт того, что с Чжай Чжиганом она не получала удовольствия, ее не просто расстраивал, но еще и обострял все ее потаенные желания, доводя порой чуть ли не до истерики. Хотя иногда ей было приятно. Например,

когда пахнувший уже так по-родному Чжай Чжиган, задыхаясь, спрашивал: «Ну как, удачно? Получилось? Да или нет?» А Сунь Янь закрывала глаза и пыталась отстраниться от реальности. В голове сумбурно мелькали сцены ее встреч с Сяо Ло, но надолго задержаться в мире фантазий не получалось. Видя, как старательно муж заботится о ее ощущениях, пытаясь доставить ей удовольствие, она понимала, как сильно он хочет ребенка.

В день своего тридцатилетия Сунь Янь целую вечность смотрелась в зеркало. Отражение в целом радовало ее: она вовсе не выглядела старой, на кокетливых щечках проступила всего парочка морщин. Едва коснувшись уголков глаз, она сказала себе:

– Что ж... И в бездетности есть свои преимущества!

А в апреле Сунь Янь забеременела.

Чжай Чжиган преобразился на глазах и задышал бодростью. О чем бы ни шел разговор, он настойчиво переводил тему на Сунь Янь, рассказывал о ее беременности, о различиях между мальчиками и девочками, о социогенетизме и биогенетизме¹¹. То и дело он хватал в охапку Додо – сыночка Сунь Ли – да приговаривал:

– Эй, малышня! Ты в курсе, что у тебя скоро будет братик? Говори, братика хочешь или сестренку? Отвечай, поросенок,

¹¹ Две концепции, сторонники которых придерживаются противоположных взглядов: приверженцы социогенетизма считают, что характер ребенка формируется под действием воспитания и окружения, приверженцы биогенетизма считают, что характер – понятие врожденное.

а то за бочок укушу!

Додо кривил губки и в конце концов принимался истошно орать.

Сунь Ли уехала учиться в Америку, оставив сыночка на бабу с дедом. А тут и беременность младшей дочери! На такое счастье они не смели даже надеяться! Оставаясь с женой наедине, Чжай Чжиган вел себя предельно осторожно, как будто пытаясь угодить ей, чем приводил Сунь Янь в замешательство: она словно жила с незнакомцем. Мысли об этом занимали ее постоянно, и однажды она спросила его:

– А что было бы, если б я не забеременела?

– Ерунду не болтай...

Чжай Чжиган явно не был настроен на разговор.

– Ну правда, я хочу знать! А если б не забеременела?

– Но ты же забеременела.

– А если будет выкидыш?

И тут Чжай Чжиган словно взорвался изнутри. Губы его сжались так, будто сдерживали в пасти бушующее пламя. Заметив это, Сунь Янь захотела раззадорить его еще больше и принялась нараспев рассуждать о том, что сама-то ребенка не хочет, ведь рожать тяжело, опасно и очень больно...

Чжай Чжиган слушал собственную жену, и лицо его из багрового делалось бледным, но он по-прежнему не шевелился. Поскольку уже давно привык считать ее слова шуткой, он стал поддакивать ей: да, мол, и правда, зачем вообще детей заводить? Раньше Чжай Чжиган никогда не шутил на

эту тему, и их жизнь наполнилась смехом. Жаль, что ненадолго.

Как-то ночью Сунь Янь встала в уборную и увидела кровь. Утром Чжай Чжиган повез ее в больницу. Уже в пути она чувствовала, что кровотечение не останавливается, и после осмотра доктор поставил диагноз: эмбрион уже частично отделился – необходимо делать выскабливание.

Через полгода Сунь Янь и Чжай Чжиган развелись.

Сунь Янь снова жила с родителями. Поначалу она с непривычки стеснялась и ходила подавленной, но, вновь, как в детстве, получая родительскую заботу, постепенно вернула бодрость духа. По воскресеньям она не вылезала из кровати, а на мамины окрики капризно закутывалась в одеяло с головой, как в босоном детстве. Правда, в отличие от ее детства, сейчас в этом доме был еще и малыш Додо. Он часто прибегал, срывал с нее одеяло и ладошками хлопал Сунь Янь по щекам.

Сунь Янь хватала его за локоток. Додо хохотал и пытался вырваться, но Сунь Янь не отпускала, и они устраивали кучу-малу. И всякий раз, когда в безудержной радости она зацеловывала кувыркающегося племянника, в груди поднималась невыразимая тоска, и руки ее разжимались. Додо с задорным смехом убегал прочь, а Сунь Янь зарывала лицо в подушку, сдерживаясь, чтобы не зарыдать от тоски.

Мамина сослуживица пыталась познакомить ее с потенциальным женихом, но Сунь Янь сердито отказалась. Сказала, что не хочет снова замуж, потому что в этом нет никакого смысла. Никто не мог ее переубедить, а если кто поднимал эту тему, то атмосфера в доме накалялась.

В воскресенье мама распахнула дверь и ворвалась в ее комнату.

– Ты еще не встала? Куда это годится?! – воскликнула она и раздвинула шторы.

Сунь Янь высунулась из-под одеяла.

– Сейчас же закрой обратно! Умоляю!

Мама задвинула штору наполовину и присела на кровать.

– Сяо Янь, не то чтобы мы тебя не понимали, но нельзя же совсем опускать руки! Эй, ты слушаешь, вообще?

– Я не опускаю. Я страдаю.

– Послушай, – мама подоткнула дочери одеяло. – Вчера заходила тетя Ли. Она то же самое сказала: нельзя так, это неправильно. Тебе, мол, и лет-то всего ничего, а жизнь – она длинная...

Мама сделала паузу, но видя, что дочь не реагирует, продолжила:

– Человек должен бороться. Ничего смертельного не произошло, и с вещами пострашнее справлялись. Тетя Ли говорит: женщины стареют быстро, не успеешь оглянуться. Так и есть. Видела бы ты ее волосы... Уже вся седая!

Эта насквозь фальшивая тирада привела Сунь Янь в бешенство. Она резко открыла глаза.

– Что за тетя Ли? Понятия не имею, кто это.

– Дочь, ну зачем ты так говоришь?! – Возмущенная мама вскочила с места, подбежала к окну и вновь распахнула шторы. – Вставай, хватит валяться! Смотреть не могу на таких лежебок!

От залившего комнату солнца слепило глаза. Сердце Сунь

Янь прошло дрожью. Она медленно поднялась и прищурилась:

– Скажи уж прямо. Тебе просто не нравится, что я с вами живу?

Вопрос пронзил мамину грудь будто нож, и она захлопала печальными глазами, не находя нужных слов. Но сердце Сунь Янь разрывали на части злость и обида.

Раздался стук в дверь. Отец просунул голову в проем и быстро проговорил:

– Молоко подогрели? Додо проснулся!

Не произнося ни звука, мама ушла в свою комнату и плотно затворила за собой.

У Сунь Янь защемило душу. Она никому не нужна, ее никто не понимает, родного человека у нее нет, и никто о ней не позаботится...

Чуть погодя за стеной послышался глухой ритмичный перестук: это бегал Додо, хохоча на ходу. Неутомимый озорник с азартом оттапывал пятками пол.

– Додо, иди скорей сюда! – закричала Сунь Янь, забыв все свои печали.

Иногда с утра пораньше в дом заглядывал муж сестры, Чжан Бо, и вел Додо в зоопарк. И каждый раз сынишка упрашивал папу: «Пусть тетя тоже пойдет с нами!» Но, увидев каменное лицо отца, тут же прекращал канючить. Додо был весь в отца: мордашка квадратная, нос короткий, рот большой, правда, щечки у него были пухлые, с ямочками. А у

Чжан Бо, наоборот, лицо было жестким – сплошные кожа да кости, – и когда он растягивал губы в улыбке, выглядел очень комично.

Чжан Бо никогда не комментировал ситуацию, в которой оказалась Сунь Янь. Казалось, сестра ничего не рассказывала ему, и он пребывает в полном неведении. С семьей Сунь Янь он держался предельно вежливо, но сближаться, похоже, не собирался. Когда пришла пора отдавать Додо в детский сад, Чжан разошелся во мнениях с родителями жены, и та история закончилась не очень красиво.

Чжан Бо работал в Академии общественных наук, и едва Додо исполнилось четыре, определил ребенка в садик-интернат при своей работе, откуда по субботам забирал сына домой. По пути в сад Додо визжал, как поросенок на скотобойне. Он с ног до головы покрылся потом и, конечно, заболел. После выздоровления личико осунулось, а в глазах время от времени мелькало чуть заметное, но все же отчетливое напряжение. И лишь когда бабушка согласилась забирать его каждый день, малыш наконец успокоился. Чжан Бо был против такого решения, но не хотел вступать в прямой конфликт и пошел за советом к Сунь Янь.

Однажды Сунь Янь пошла в садик за Додо – теперь эта обязанность часто взваливалась на ее плечи – и увидела Чжан Бо, который поджидал ее у входа.

– Эй, ты чего пришел?

Чжан Бо ответил, что хотел бы с ней кое-что обсудить.

Приподнятые уголки длинных губ придавали его лицу насмешливое выражение.

– Первым делом, ты должна знать, что твоя сестра заняла мою сторону.

Сунь Янь улыбнулась.

– Она тебе написала?

Чжан Бо сказал, что они разговаривали по телефону, а потом его сдержанная улыбка исчезла, и он сухим тоном привел свои аргументы. Во-первых, у него нет времени забирать ребенка каждый день. Во-вторых, нельзя дарить Додо иллюзию, будто его слезливая мордашка избавит его от необходимости делать то, чего он не хочет. Мальчик должен понять, что взрослый человек, тем более глава семьи, не станет подстраивать свои решения под его «хотелки».

– Он же еще маленький! – с улыбкой прервала его речи Сунь Янь.

– Правильно, маленький! – Чжан Бо не сводил с нее глаз. – Прости, если неверно понял тебя, но я не считаю, что дети так уж сильно отличаются от взрослых. Тебе лишь кажется, что он не понимает, но ты его недооцениваешь: все он понимает. По крайней мере, способен понять. Нужно просто ему довериться и внятно объяснить, что к чему. Пока не доверишься, ничего не выйдет. Проблема тут во взрослых, а не в детях, согласна?

Пригвожденная его взглядом, Сунь Янь закивала.

– Вот и отлично. Значит, у меня появился союзник.

Сунь Янь усмехнулась:

– Занятные вещи говоришь! Как это я раньше не замечала?

– Ну а как иначе? Сестрица-то твоя еще занятней будет...

Оторопев, Сунь Янь расплылась в улыбке, и они пошли забирать Додо вместе. Увидев отца, мальчик даже опешил:

– Ты за мной пришел?

Чжан Бо обнял его и посмотрел прямо в глаза:

– Сперва признавайся: скучал по папе?

Додо растерянно покивал головой, обхватил отца за шею и чмокнул в щеку. От радости Чжан Бо рассмеялся, но смех прозвучал на два тона выше обычного, выдавая волнение. Сунь Янь вдруг нашла его очень милым: получалось, ее зять в душе совсем не такой, каким выглядел со стороны. Он очень любил сына. А еще он оказался прав.

Прошел месяц, потом еще два, и все уладилось. По утрам понедельника Додо хмурился, но больше не плакал: знал, что бесполезно. Кроме того, он привык ходить в садик. Верно говорил Чжан Бо: время – лучший лекарь.

В октябре небо затянуло светлыми облаками, на улице похолодало. Всего за одну ночь в начале улицы прямо на дороге образовалась целая гора капусты. Люди, весело галдя, толкались в очереди за продуктами. Толкалась среди них и Сунь Янь, но в душе у нее царила пустота. По вечерам она лежала в кровати и держала в руках книгу, но иероглифы не лезли в голову. Чжай Чжиган успел снова жениться, говорили, что

его избранница работала водителем троллейбуса. Сможет ли она родить ему ребенка? Хорошо бы. Пусть у него все будет хорошо.

«А как же я? Так и проведу свою жизнь?»

Сунь Янь захотелось прогнать эту мысль. «Хватит! Спи давай!» – приказала она себе, выключила свет, закрыла глаза и действительно забылась сном, но перед самым рассветом внезапно проснулась.

В комнате царил тьма, но уже можно было разглядеть мебель вокруг. В ее мыслях снова появился Чжай Чжиган. Так назойливо, будто решил разбередить ей душу с целью, известной только ему самому.

Она подумала, что Чжан Бо все-таки не до конца прав. Время не поможет ее исцелить. А что поможет? Новый брак? Но с кем?

Эта мысль вспыхнула у нее в голове так ярко и отчетливо, что Сунь Янь тут же вознамерилась снова выйти замуж. За кого? Ведь такой человек должен стать для нее самым близким на свете, родней мамы с папой! Размечтавшись о столь неопишуемой, фанатичной привязанности, Сунь Янь разволновалась и приуныла.

Она согласилась встретиться кое с кем. Ее предполагаемый партнер оказался, как и она, бухгалтером. Не женат, вполне обеспечен, хотя и слегка староват для нее: сорок три года. Они встретились дома у ее сослуживицы, и Сунь Янь с первого взгляда смекнула, почему он до сих пор не женат. Ни

одной девушке такой мужчина бы не понравился. От внешнего вида до манеры двигаться и говорить – он был абсолютно женоподобен. Узкие покатые плечи, изящно отставленные мизинцы. На собеседника он смотрел всегда искоса, а когда смеялся, умоляюще складывал ладони. Поначалу Сунь Янь разрывалась между отвращением и раздражением. Но постепенно этот чудак стал ее забавлять, и в конце концов она преисполнилась к нему жалости. И как он живет? Никогда не думала, что на Земле существуют такие мужчины!

Родителям Сунь Янь ничего говорить не стала, но зато не удержалась и рассказала Чжан Бо. Тот понимающе усмехнулся.

– Не иначе как гей. Он не виноват, это гормоны так действуют.

От слова «гей» Сунь Янь залилась краской.

– Так зачем ему тогда жениться? – возмутилась она.

– А чего удивляться? Представь, как на него все косятся! Вот ты сама что о нем подумала, едва увидела?

– Что он чудаковат, – горько улыбнулась Сунь Янь.

– В том-то и дело. Не хочет человек быть чудиком, вот и все...

Чжан Бо всегда умудрялся объяснить все так, что возразить ему было нечем – оставалось лишь восхищенно соглашаться. Похоже, он хорошо чуял сердцем то, что не говорилось вслух. Наверное, потому и был всегда такой молчаливый и смотрел на людей в упор, отчего все невольно отводи-

ли глаза: кто вниз, кто куда-нибудь в сторону.

Однажды Сунь Янь попыталась выдержать его взгляд, но ничего не вышло. Чжан Бо смотрел так самоуверенно и требовательно, что, пожалуй, одна лишь Сунь Ли смогла бы стать ему достойной женой. И в душе у Сунь Янь затаилась зависть. Она не понимала, почему ее сестра до сих пор в Америке. Если бы уехала она сама, давно бы уже истосковалась по семье и вернулась обратно.

В воскресенье Сунь Янь вышла прогуляться по улице Ванфуцзин¹², как вдруг поймала на себе чей-то взгляд. И будто невзначай обернулась.

Да это же Сяо Ло! В шикарном вельветовом пиджаке, с зачесанными назад волосами, он стоял, озаряя всю улицу своим обаянием.

Ло пригласил Сунь Янь поужинать, чем тут же и рассмешил ее.

– В два часа дня? Какой еще ужин?

Тогда он предложил зайти в недавно открывшийся «Макдоналдс».

Послеобеденное солнце заливало весь ресторанчик сквозь огромные оконные стекла. Сунь Янь указала на места у окна: «Сядем на солнышке. Так красиво!» Ло присел, но тут же вскочил. Оказалось, он уже давно хочет в туалет, а «Макдоналдс» в этом смысле очень полезен. Сунь Янь по-

¹² Ванфуцзин – одна из популярнейших торговых улиц Пекина длиной около 1 км, почти вся – пешеходная.

следовала за ним в сторону уборных. В женском туалете внезапно оказалось зеркало, глядя на отражение, она поправила волосы, а потом наклонилась и посмотрела на лицо вблизи. Результат ее не порадовал, но что поделать.

Устроившись в зале за одним из свободных столов, они весело болтали. Ло выбился в управляющие отдела (естественно, пока он был только заместителем), Сунь Янь считалась «спецом» у себя. А потом она вдруг выпалила: «Я развелась». Она машинально подняла глаза, чтобы посмотреть на реакцию Ло, и успела застать момент, тот самый, когда человек внезапно слышит радостную весть и на лице невольно отражается удивление с примесью самодовольства. Сунь Янь не поверила своим глазам.

– Ты чего?

– А что я? Я слушаю! – Ло тут же посерьезнел.

Сунь Янь в двух словах рассказала о том, как жила одна. О самом разводе ей говорить не хотелось. Ло почувствовал это и не спрашивал. Потом они отошли от обсуждения своих сердечных забот и разом переключились на другие темы: попивали кока-колу, болтали о том о сем, смеялись. Когда кола была выпита, а картошка фри – почти съедена, настала пора прощаться, и Ло оставил Сунь Янь адрес, сказал, что в этой квартире он будет жить после свадьбы.

Остолбеневшая Сунь Янь с усилием выдавила из себя улыбку.

– Ясно... Что же ты молчал, что женишься?

Ло ответил, что о женитьбе говорить пока рановато, но девушка у него есть. Сунь Янь спросила, чем она занимается. Ло на секунду смутился, но все же ответил:

– Она в другом городе, в Шэньчжэне.

Сунь Янь пошутила, что они как Волопас и Ткачиха, и Ло еще предстоит выдержать это испытание¹³. На этом они распрощались.

После этой встречи с Сяо Ло Сунь Янь никак не могла успокоиться. Она злилась на себя так, будто совершила нечто предосудительное, и теперь жалеет об этом, хотя и понимала, что ничего плохого не сделала. Кто они с Ло друг для друга? Друзья? Он стал живее, чем раньше, и даже казался довольным жизнью. Но тогда зачем он дал ей свой адрес? Приглашал к себе? От одной мысли об этом низ живота окатило горячей волной, но она тут же устыдилась своих абсурдных фантазий и почувствовала к Ло неприязнь. Через неделю он позвонил, но не успел сказать и двух слов, как был вызван на совещание, и повесил трубку.

Реку сковало льдом, ветер пронизывал до костей. По утрам Сунь Янь выходила из дому затемно. Зимой в автобусе царила жуткая давка, и добираться до работы приходилось куда дольше и мучительней, чем в прочие времена года.

В субботу спозаранку Сунь Янь забрала из садика Додо.

¹³ Ткачиха и Волопас – персонажи древнекитайской мифологии, разлученные возлюбленные, которые могут встречаться лишь раз в году; этот день, 7-е число 7-го лунного месяца, с древности отмечается как праздник влюбленных.

Всю дорогу домой они держались за руки и болтали. Сунь Янь спросила, скучает ли Додо по маме, и он безразличным тоном ответил: «Да». Поколебавшись, она поинтересовалась:

– А папа скучает по маме?

Додо не обратил на нее внимания и принялся напевать себе под нос.

В одну из следующих суббот Сунь Янь, как договаривались, отвезла мальчика к Чжан Бо. Приехав домой, тот уговорил ее остаться на ужин: сказал, что чуть позже народу в транспорте будет поменьше, и Сунь Янь сразу согласилась. Как же хорошо было ужинать втроем, в семейной атмосфере. Чжан Бо сидел в свитере, и Сунь Янь вдруг вспомнила, что этот свитер вязала она. А когда упомянула об этом, Чжан Бо тут же вскочил и вытянул руки по швам, давая ей полюбоваться своим творением.

– Куда уж мне! Ты не мое творение, – усмехнулась она.

– Вот твоё творение! – Чжан подергал себя за свитер. – А это... – он указал на себя, – уж извини, творение моих родителей.

Сунь Янь, рассмеявшись, кивнула.

– Кто бы сомневался!

Глаза Додо забегали, и, ткнув пальцем в Чжана, он завопил:

– Я твоё творение!

Чжан Бо расхохотался, а Додо вдруг перевел палец на

Сунь Янь.

– А тетя... тетя – мое!

Ошарашенная Сунь Янь зашла от смеха. Додо принялся без разбора тыкать повсюду пальцем: Сунь Янь – творение Чжана Бо, сам он – мамино, а папа Чжан – бабушкино... И пока Сунь Янь с племянником под мышкой хохотали от души, Чжан с улыбкой наблюдал за ними, легонько похлопывая по столу и приговаривая:

– Тише, тише...

Ночью Сунь Янь приснился сон – очень странный и непонятный. В том сне были и Чжан Бо, и Сяо Ло. Кто-то потянул ее за руку, словно хотел обнять, но она отстранилась и, споткнувшись, упала прямо на дорогу перед автобусом. Водитель долго выкрикивал: «Дайте пройти!», – а добравшись до нее, сказал: «Не плачь, садись!» И лицо его, хотя и расплывчатое, показалось ей очень знакомым...

Всякий раз, когда в каком-нибудь кинотеатре ожидался предпоказ иностранного фильма, интерес, переполнявший Сунь Янь, граничил с одержимостью. Она выведывала, как туда попасть, у всех сотрудников издательства, упрашивала всех знакомых и, если это было вообще возможно, доставала-таки билеты. Некоторые из этих фильмов вызывали у нее столько эмоций, что она не выдерживала и делилась впечатлениями с Чжан Бо. Она пыталась пересказать ему во всех деталях сюжет, но уже к середине рассказа частенько падала духом. В ее исполнении трогательная история теряла

все свои краски: становилась безжизненной, не вызывала ни смеха, ни слез и больше не трогала душу.

Иногда Чжан приносил ей билеты сам. Однажды они вместе пошли смотреть американскую военную драму «Мост Ватерлоо»¹⁴. То был дневной сеанс, и, когда они вышли из кинотеатра, на город уже опустились сумерки, а улицу заполнили толпы идущих с работы людей. Но Сунь Янь будто не замечала их: она продолжала жить внутри увиденного фильма. В зале она расплакалась, и в глазах еще блестели слезы. Но ее это не смущало, она даже не понимала, чего тут стыдиться. Судьба Майры, ее роман с Роем, жертва, которую она принесла во имя любви, – какой же красивой жизнью она пожертвовала! Рой будет вечно страдать от угрызений совести и до конца жизни вспоминать о Майре... Сунь Янь шагала не разбирая дороги и, если бы Чжан Бо не тянул ее за собой, давно бы уже кого-нибудь сбила или угодила под машину.

В призрачных сумерках розовело небо. Дойдя до конца улицы, Сунь Янь растерянно остановилась, и, поглядев на снующих вокруг людей, вдруг заявила:

– Я не хочу домой!

На пути у них оказался парк Цзиншань. Они вошли в ворота, и шумный, суевающийся так некстати мегаполис остался снаружи. Теперь вокруг них шелестели деревья, ловя голыми ветками лучики предзакатного солнца, а гул машин, стон

¹⁴ «Мост Ватерлоо» (Waterloo Bridge, 1940, реж. Мервин Лерой) – классика американского кинематографа.

клаксонов и галдеж толпы доносились так приглушенно, что вовсе не нарушали парковой тишины, а лишь подчеркивали оторванность их парочки от всего остального мира.

Сунь Янь вдыхала прохладный воздух. Ей было хорошо. Рядом с нею шагал мужчина, он приходился ей зятем, но она не испытывала неловкости. Ее сердце переполняли чувства – настоящие, значительные, – и о стольком хотелось рассказать.

Постепенно они разговорились. Сунь Янь болтала без умолку. Ее оживленный голос журчал тоненьким ручейком: существует ли любовь, ну конечно же, существует, непременно существует... Она знает, что найти свою любовь очень непросто, и, хотя ей самой, возможно, не повезет, она счастлива уже от мысли, что кому-то – Майре, например, – это все-таки удастся. Майре она даже завидовала: та хоть и умерла, но умерла за Роя, во имя любви. Как же, наверное, это сладостно – и в то же время, как непросто! – обрести человека, достойного твоей любви...

Темнота сгущалась. Багровые облака растворились, и на серо-синем небе начали проступать звезды. Чжан Бо молча слушал, а иногда и поддакивал: «Я понимаю... Да, конечно». Его низкий голос успокаивал и воодушевлял Сунь Янь. Постепенно поблекшая жизнь с Чжай Чжиганом, появление Сяо Ло, развод, о котором не хотелось вспоминать... В глазах Сунь Янь заблестели слезы. Воспоминания бередили душу, обида переполняла ее, и в какой-то миг она поняла, что

больше не способна произнести ни словечка.

Чжан Бо покосился на нее вполоборота, осторожно протянул руку и похлопал ее по плечу. Вздвогнув, Сунь Янь проворботала:

– Извини... Все в порядке.

Чжан Бо промолчал. В тишине парка их шаги звучали особенно отчетливо. Слезы высохли, грусть отступила, на душе у нее полегчало. И все казалось, будто Чжан Бо не отнимал руки и продолжал касаться ее плеча – мягко, но уверенно.

В парке зажглись фонари, осветив безлюдные дорожки. Чжан Бо разговаривался и рассказал Сунь Янь о своей первой любви. То было в Юньнани, в строительном корпусе, на дамбе водохранилища. Девушка шагала ему навстречу. Сколько ему тогда было? Шестнадцать, кажется. Он никогда не видел никого красивее, даже потом, вплоть до сегодняшнего дня. В голове было пусто, он забыл обо всем на свете – осталась лишь она, озарившая его ярким светом. А когда они поравнялись, он не выдержал и спросил, из какого она корпуса и куда идет. Они поболтали минут пять. Он запомнил, что водившаяся в водохранилище рыба с плеском выпрыгивала из воды и девушка, смеясь, указывала пальцем: «Вон там! Вон, смотри!» Весь мир вокруг наполнился пением и сиянием. А потом они попрощались. Она отправилась в город на почту, а он – в соседнюю роту повидать товарища. Эти короткие пять минут врезались в его память навеки. Искреннее, пре-

красное, ни с чем не сравнимое чувство, которое не повторяется никогда. Он верил, что это и была любовь, которую никто не способен отнять и которая остается такой же прекрасной, когда бы ты ни обратился к ней в своих мыслях.

Немного подумав, Чжан Бо добавил:

– Ценность любви не в том, можешь ли ты ее удержать, а в том, делает ли она тебя счастливой...

Сунь Янь застыла. Это был уже совсем другой фильм. Этот новый сюжет находился за гранью ее фантазий, но она уже принимала его с такой страстью, что все тело захлестывало горячей волной. И хотя она не подавала виду, в душе у нее бушевал ураган.

Пауза между ними затягивалась. Чжан Бо помрачнел, в его глазах читалась глубокая задумчивость. Наконец он откашлялся.

– Знаешь, твоей сестре я об этом не рассказывал, но... после свадьбы я решил отыскать ту девчонку.

Сунь Янь не ответила, но ее сердце забилось чаще.

– Боялся, что не узнаю... Хотя, конечно, узнал с первого взгляда.

– Так она здесь, в Пекине?

– В Шанхае... Я был там в командировке.

И он во всех подробностях поведал ей о сложных поисках, о пережитых трудностях и своей душевной борьбе в минуты, когда уже накануне отъезда ближе к полуночи оказался у «той девчонки» под окном. И вот она появилась, понимает-

ся, давно уже не девчонка. Его она узнала не сразу, и, когда все же вспомнила, они гуляли из конца в конец по переулку («давай, я тебя провожу», «нет, лучше я тебя»), пока не рассвело.

– Она осталась все такой же красавицей?

– Да с чего бы? Постарела, конечно. Меня уже не тянуло любоваться ею беспрерывно. Я столько лет грезил о ней тогдашней, что теперь был не в силах видеть ее *такой*. Но потом, конечно, привык...

– Она замужем?

– Да.

– И кто ее муж?

– Она не сказала. Да я и не спрашивал. Она все благодарила меня, что я приехал, и предложила на следующий день куда-нибудь сходить. Но я сказал, что должен уехать, мой поезд отходит в семь сорок утра...

Непонятно с чего у Сунь Янь отлегло от сердца. «Правильно, – подумала она, – именно так и должно быть». Ведь та любовь осталась в прошлом и теперь была невозможна. Как же горько, прямо до слез! Хотя в глубине души вдруг мелькнула и помахала рукой едва различимая радость. Сунь Янь смутно припомнила собственную юность: ярчайшие годы жизни, растраченные впустую...

Как же ей хотелось любви! Безмолвие парка ласкало слух, а влажная, безветренная зимняя ночь распаляла мечты, и в груди у Сунь Янь вновь расправила крылья надежда. Без

любви жизнь не мила!

Наверное, тогда-то Сунь Янь и влюбилась в своего зятя. Хотя в те минуты просто думала: «Ах, какой замечательный вечер!»

А пару недель спустя позвонил Сяо Ло и снова пригласил ее на танцы. В первый раз Сунь Янь сослалась на дела, но теперь отказывать не стала.

Атмосфера в клубе оказалась отнюдь не столь романтической, как ей представлялось: тусклые лампы едва освещали просторный зал, в котором незнакомцы приценивались друг к другу мутными взглядами сквозь дымовую завесу.

Для начала Сяо Ло усадил ее на диван на верхнем уровне. Каждый раз, когда включалась очередная композиция, на танцпол приглашалось по две парочки. Сунь Янь с любопытством наблюдала за ними. Одни парочки с отрешенными лицами покачивались из стороны в сторону, а другие, наоборот, так отплясывали, что заражали энергией всех вокруг.

Наконец подошла очередь Ло приглашать на танец Сунь Янь. Она ужасно нервничала, потому что едва доходила ему макушкой до подбородка. Они немного потанцевали, и Сунь Янь с улыбкой отступила назад и выставила руку перед собой:

– Так не годится. Ты слишком высокий, а я совсем низкая. Не пойдет...

Ло стал ее уговаривать, схватил за другую руку и не отпускал. Она покраснела и сдалась. Чуть касаясь щекой его груди, едва дыша, она дотанцевала один танец, потом другой, и

понемногу расслабилась. Неловкость прошла, и, уже счастливая, она выходила с Ло на танцпол весь вечер. И лишь когда он спросил: «Еще танец, или как?» – наконец очнулась и поняла, что хватит.

Они вышли из клуба. На улице ее тут же пробрала дрожь, и Ло деликатно приобнял ее за плечи. Сунь Янь не отстранилась. Какое-то время они шагали так, не говоря ни слова, а затем Ло остановился и, нагнувшись, поцеловал ее. Губы его были чуть влажными и холодными, будто из камня, – только камень тот шевелился, настойчиво целовал ее и крепко сжимал в объятиях. Сунь Янь ощущала себя как во сне. Не осознавая, что делает, она целовала Сяо Ло в ответ: то в губы, то в щеки. Прошло несколько минут, прежде чем они оторвались друг от друга и вновь зашагали в обнимку. Сунь Янь поражалась самой себе: она поцеловала его, оставаясь при этом на удивление невозмутимой. Так что же она испытывает к нему на самом деле?

– Пойдем ко мне? – ласково прошептал ей Ло на ухо.

Ничего не ответив, она продолжала шагать рядом с ним. Он потянул ее за руку.

– Давай! Поехали...

Подняв голову, Сунь Янь посмотрела на Ло. Она узнала это выражение: особое выражение на лице мужчины, охваченного страстью. Сунь Янь была уже не девочка и поняла все с первого взгляда. И хотя ее тело невольно возбудилось в ответ, сердце противилось, чувствуя унижение.

– Нет, мне нужно домой, – натянуто улыбнулась Сунь Янь. Ло, похоже, не поверил ей, на лице его застыла недоуменная улыбка. Сунь Янь растерянно повторила:

– Правда. Давай вернемся к этому позже. Может, как-нибудь в другой раз? Сегодня уже слишком поздно.

В автобусе, вспоминая предложение Сяо Ло, она все сильнее негодовала. У него ведь точно была девушка. Он сам об этом рассказывал. И при этом зазывал к себе Сунь Янь. За кого он ее принимает?! Да и сама она хороша: такую чушь неслас... Какой еще «другой раз»? Что значит «вернемся позже»? От злости и огорчения все тело взмокло от пота.

Тем вечером она разглядела в Ло целый ряд недостатков. Этот самодовольный вид, этот бегающий взгляд, выискивающий в клубе девиц посимпатичней... Нынешний Ло был уже совсем не похож на простого парня с бухгалтерских курсов, что когда-то ей приглянулся. Странно было видеть, что человек может измениться настолько сильно.

Она подумала о Чжан Бо. Какой же он замечательный! Мужчины порядочней, наверное, не сыскать на белом свете. Вот кто достоин любви... Она вздрогнула, как от раската грома: великие Небеса, да что это с ней?! Но сразу успокоила себя: «А что, собственно, такого? Я люблю его сына Додо, оба они мои близкие, разве я не могу их любить?»

«Все верно, – тут же ответил ей внутренний голос. – Ты любишь их как родных, но можно ли любить Чжан Бо как мужчину?»

Вот так с мысляй о поцелуях и объятиях с Лю она переключилась на запретные мысли о Чжан Бо. Ее бросило в жар, мысли метались. Боже! Да, ей срочно нужен мужчина! Сунь Янь бросилась на кровать, утопая в своих фантазиях. Не испытывая ни капли стыда, она с рассеянной улыбкой пялилась в потолок. Ей хотелось бы провести в мечтах всю ночь до рассвета, но в голове все тревожней звучал вопрос: да неужели так и пройдет вся ее жизнь? Уныние овладевало ею, и вскоре она уже стыдилась своих фривольных мыслей. В навалившейся тоске на уме вертелось только одно: когда же я смогу начать новую жизнь?

* * *

Додо простудился. Он сильно кашлял и целую неделю провел у бабушки. В детский сад Додо не ходил. Каждый вечер после работы Чжан Бо заглядывал его поведать, но однажды не пришел. На другой день Сунь Янь позвонила ему в офис. Но, услышав его баритон, разволновалась так, будто он разгадал ее сердечную тайну. Она признавала, что эта тайна у нее есть, и не могла позволить себе запятнать ее чем-то постыдным. Тайна Сунь Янь была прекрасна, как тайна Майры. Пускай и не столь смертельная, но тоже по-своему жертвенная. Ловя себя на подобных мыслях, Сунь Янь озиралась, словно боясь, что окружающие могут все это услышать.

В суе дни проносились быстро, словно кто-то штампо-

вал их на конвейере огромной невидимой рукой: шлеп! – проплывал один, шлеп-шлеп! – еще парочка; но каждый новый ничем не отличался от предыдущего.

Впрочем, какие-то перемены все же происходили. С каждым днем становилось теплее, люди сбрасывали зимние одежды, с облегчением расправляли плечи, и, хотя передвигаться пешком или на велосипеде пока еще приходилось как можно шустрей, сам воздух ранней весны сулил много радостей впереди.

Сунь Янь была и активной, и работающей. Ходили слухи, что ее хотят сделать замдиректора финансового отдела, и все говорили, что от новых достижений она только молодеет, но ее проблемы на личном фронте по-прежнему оставались нерешенными. Многие беспокоились за нее, и она принимала слова сочувствия вежливо, хотя и без энтузиазма. О том, что у нее все же есть мужчина, не знал никто.

Весной женился Ло. Медовый месяц провел с женой на юге, но вернулся один: супруга не захотела бросать работу и наотрез отказалась покидать родной Шэньчжэнь. Теперь он изливал свою боль Сунь Янь, а она его успокаивала: «Постоянно быть вместе отнюдь не залог счастья. Представляешь зато, как радостно будет потом встретиться?» Глядя на его понуренную голову и беспокойное выражение лица, она подшучивала над ним, но в душе все-таки жалела. И когда Ло, схватив ее за руку, притянул к себе, отстраняться не стала.

Потом ей было стыдно, но в то же время и радостно. Вер-

нувшись домой, она закрылась у себя в комнате и долго, с пристрастием разглядывала себя в зеркале, опасаясь заметить на лице что-либо не то, а потом еще полдня расстраивалась из-за мелких морщинок в уголках глаз.

От этой случайной связи с Ло она чувствовала в себе перемену, как будто раньше совсем не жила, и ощущала себя слепой, которая наконец прозрела. Она осознала, что Чжай Чжиган ее недостоин, а отношение Ло к ней, хотя и непростительное, уже прощено. Снова и снова ее охватывало желание, в котором она не хотела себе признаваться. Часто героем ее фантазий становился Чжан Бо. Сестра вот уже несколько лет жила за границей, и при одной лишь мысли о возможной интрижке с собственным зятем в груди у Сунь Янь начинали отплясывать демоны.

Новой встречи с Чжаном она побаивалась – и смогла успокоиться, лишь когда увидела, что между ними ничего не изменилось.

Чжан Бо дважды водил ее на семинары, где обсуждалось, как Китай движется к модернизации. Поначалу Сунь Янь вдохновилась, но мероприятия оказались скучнейшие, и уже со второго семинара она не сбежала только из вежливости.

Она спросила у Чжана:

– Как ты считаешь, наша страна прославится на театральной сцене?

Чжан Бо не колебался ни секунды.

– Конечно. На этой сцене будут и комедия, и драма. Если

доживешь, непременно станешь свидетелем.

Вдохновившись в очередной раз, Сунь Янь отправилась в книжный, купила несколько книг и положила у изголовья кровати. Нельзя сказать, что это было зря: в теплых, романтических чувствах она прочитала томик за томиком при свете торшера и даже кое-что поняла, хотя и не смогла запомнить, что именно.

Она очень много работала, а также постоянно заботилась о Чжан Бо и Додо и под конец дня чуть не падала от усталости, но никогда ни на что не жаловалась. Уже довольно долго ей казалось, что у Чжан Бо душа не на месте, но когда она спрашивала, что его беспокоит, он всякий раз бесстрастно отвечал, что все в порядке.

На самом же деле все оказалось так просто, что Сунь Янь поразились своей недогадливости. О том, что сестра хочет разводиться с Чжан Бо, ей рассказала мама. Лицо мамы кривилось, точно от боли, а голос панически дрожал.

– Не понимаю, что она творит такое?! Я категорически против! Не хватало еще, чтобы обе дочери пошли этой дорожкой! Твой отец будет в ярости! Ну, что ты молчишь?

– А Чжан Бо знает? – выпалила Сунь Янь, но поняла, что сморозила глупость, и тут же поправилась. – Я имею в виду, он согласен?

– Да разве он мне скажет? Конечно, не согласен!

– Это он сам сказал?

– Он не говорил. Но с чего бы ему соглашаться-то? Он же

мужчина! Если жена от мужа отказывается, это выбесит кого угодно!

– А по-моему, бесишься только ты! – воскликнула Сунь Янь. Так резко и возмущенно, что бедная мама вздрогнула от испуга. Тут же раскаявшись, дочь схватила мамину руку и сжала в ладонях. Глаза у мамы заблестели от слез, сдержать которых она не сумела, как ни старалась. Кап! – покатилась слезинка. Протянув руку, Сунь Янь вытерла прозрачную капельку, но маминых рыданий было уже не унять. Оставалось лишь обнять ее за плечи и утешать, как маленькую:

– Ну, будет, будет... Не плачь, чего ты...

Мамин голос звучал неразборчиво:

– Да как же так?! Я этого не переживу! Что же вы меня огорчаете?! Сестра твоя за границей одна останется! Как она там жить будет?!

* * *

От духоты и комариного писка над ухом заснуть не удалось, хоть тресни. Сунь Янь включила торшер и обнаружила, что сразу два комара насосались ее крови так, что не могли взлететь. С яростью прихлопнув обоих, она погасила свет, и пол затопило лунным сиянием. Ей вдруг вспомнилось, как в детстве они с Сунь Ли сидели на прохладной лестнице у входа в дом, и она обмахивала сестру веером. Сестра была госпожой, а она – служанкой; сестра – учителем, а она – уче-

ником; сестра – принцессой, а она, кажется, воином... Сунь Янь невольно заулыбалась. Милая сестричка, как же ты сейчас далеко! За тысячи километров!

А потом она вспомнила про Чжан Бо, и сердце ее застыло, точно придавленное камнем, который уже не сдвинуть, как ни старайся... Что же делать? Он ведь давно все знал! Но ничего не рассказывал, лишь молча терпел свою боль. Как же она переживала за него, и какой же он сильный! У нее даже закололо в груди: настолько огромным было желание утешить Чжан Бо. Да, она сходит к нему и скажет... Но что?

Вся ее искренность, ее любовь, она сама – зачем все это? Кому она нужна? На белом свете нет никого, кто бы в ней нуждался. От этой мысли стало так больно, что у нее перехватило дыхание. Из соседней комнаты донесся кашель отца, и Сунь Янь задумалась о родителях. Мать с отцом провели вместе почти всю жизнь, но любовь ли это? Возможно, когда-то была. Как жалко маму: так ее жизнь и прошла. Впервые за долгое время Сунь Янь показалась себе смешной и глупой: ее отношения с Ло и чувства к Чжан Бо, ее горячее сердце и бесконечные жертвы – все это на самом деле не имело ни малейшего смысла. Настоящая дурость и более ничего...

Чтобы разубедить себя и прогнать из головы столь пугающее прозрение, она снова подумала о разводе сестры, но ни к чему дельному не пришла и в полной растерянности заснула.

Наутро она увидела, как Додо, сияя свежевымытой мор-

дашкой, радостно носится по комнате, и тихонько выдохнула с таким облегчением, будто все произошедшее было неправдой. Вечером она написала сестре письмо из сплошных вопросов. Почему вы разводитесь? Неужели у тебя не осталось к Чжан Бо никаких чувств? А что будет с Додо? Стоит ли вообще разводиться? И так далее, и так далее...

Ответ сестра прислала на рабочий адрес, чтобы ни муж, ни родители его не увидели. И в этом письме – только для Сунь Янь! – рассказала, что произошло на самом деле: она сошлась с американцем. Он был профессором, который вместе с ней вел исследование. Он очень ей помогал и сильно любил, а она любила его. К Чжан Бо чувства, конечно, еще остались, но это уже не любовь. Письмо было огромным, очень-очень длинным, и Сунь Янь читала его долго, а потом вернулась к началу и перечитала снова. Среди иероглифов Сунь Янь различала сестрин голос, видела ее облик и выражение лица: та говорила от чистого сердца вещи, которые можно было доверить только родной сестре. Своих детей у американца не было, но с бывшей женой они воспитывали двух приемных деток из Китая, так что, когда Додо придет, ему точно не будет одиноко: у него появятся старшая и младшая сестренки. Эту часть Сунь Янь перечитала тысячу раз, но так и не поняла. Ясно было одно: сестра собирается забрать Додо, увезти его из Китая. Завершалось послание строчкой, обведенной черным кружком:

«Про Додо не рассказывай Чжан Бо ни в коем

случае!»

Ответ сестры занял все мысли Сунь Янь. Она волновалась и все сильнее боялась встречи с Чжан Бо. Когда же они все-таки увиделись вновь, зять вел себя совершенно обычно, сдержанно и естественно. И Сунь Янь в очередной раз пожалев его, решила, что ее сестра – человек ужасный и бессердечный. О письме она не сказала ему ни слова. В душе ее даже не происходило никакой внутренней борьбы, словно так и должно быть, и другого выхода не существует.

При встрече Ло заметил, что она чем-то встревожена, и спросил, не случилось ли чего. Но она лишь бесстрастно ответила, что все в порядке. И тут же поймала себя на том, что повторять «все в порядке» на самом деле проще простого.

Умалчивать о грядущем разводе было уже невозможно. Мама весь день ходила по дому с кислой миной, отцовское молчание напрягало еще сильнее, а Чжан Бо, заходя к ним, старался не смотреть на Сунь Янь.

Всеобщее страдание выплескивалось наружу. Реальность срывала маски так безжалостно, что хотелось зажмуриться. Собирался дождь, за окном мельтешили молнии, землю сотрясали раскаты грома. Сунь Янь стояла у распахнутого окна и смотрела на белесую пелену дождя. В голове было пусто. Резкий порыв ветра обдал каплями ее лицо, и она закрыла окно.

Неутолимая тоска заставляла Сунь Янь сомневаться в себе: а правильно ли она поступает? Почему она сразу заняла

сторону сестры и стала обманывать Чжан Бо? В душе бушевал ураган, она терзалась раскаянием и никак не могла решить: то ли срочно что-нибудь предпринять, то ли броситься на кровать, заливаясь слезами. Вот только плакать не получалось. Сунь Янь вспомнила зимние сумерки в парке Цзиншань. Они с Чжан Бо были близки, точно старые друзья, видевшие друг друга насквозь. Но теперь, когда стряслась такая беда, не обмолвятся и словечком? Это неправильно. Она совершает ошибку.

Сунь Янь набралась смелости, позвонила Чжан Бо и сказала, что ей нужно с ним поговорить.

– О чем?

– А то ты не знаешь!

В трубке воцарилось молчание.

– Ладно, – буркнул он наконец.

Чжан предложил Сунь Янь присесть на диван, а сам вытащил из-за письменного стола колченогий стул и уселся посреди комнаты особняком, что смотрелось весьма странно.

Сунь Янь улыбнулась.

– Ты чего? Я же не допрашивать тебя пришла.

– А, да? Вот и славно! – отшутился Чжан Бо, потирая руки как будто небрежно, но все же скованно и отчужденно.

Сунь Янь все размышляла над тем, что собирается сказать. Она то нащупывала нужную мысль, то теряла и вновь находила. Ее бросало из одной крайности в другую, и эта хаотичность нервировала до изнеможения. Но при виде Чжан Бо, сидящего перед нею на стуле, ее мысли тут же обрели ясность.

– Сам знаешь, о чем я хотела поговорить. Это касается моей сестры. И тебя.

Чжан Бо молчал, спокойно глядя на нее.

– Откровенно говоря, у меня есть свое мнение на этот счет, – продолжала она. – Я думаю, ты хороший человек. Правда. И мне тяжело от того, как ужасно с тобой обошлась сестра. Ты мне веришь?

Поразмыслив, Чжан Бо кивнул.

– Я знаю, что такое развод, и понимаю, как ты страдаешь. Если я могу тебе как-то помочь, я готова. Вот что я хотела

сказать, только и всего.

– Я знаю, спасибо. Я тебе очень благодарен. – Голос Чжан Бо звучал очень искренне, а в глазах угадывалась едва различимая боль. Сунь Янь пронзила острая жалость. Волна сочувствия накрыла ее с головой, грозя затопить все вокруг. Едва не умирая от страха, она торопливо заговорила:

– Послушай, мне известно, что за человек моя сестра. С тобой она не такая, она... – Сунь Янь невольно загнулась. – Она очень смышленная, голова работает хорошо, но иногда... – Она помолчала. – Пойми, ты гораздо сильнее, чем она! Ты думающий, образованный, талантливый, у тебя еще будет все...

Чжан Бо горько улыбнулся, будто недоумевая, почему в таком душевном раздоре ему приходится выслушивать от нее весь этот вздор. Сердце у Сунь Янь ушло в пятки, и она, сама того не желая, затараторила по второму кругу:

– Сестра не промах, она умная, тебе нельзя верить всему, что она говорит. Она говорит, что никаких чувств у нее к тебе не осталось, но это не так, наверняка она думает по-другому! А главное – у вас же есть сын, ваш Додо. Как она смеет оставлять Додо без отца?

Посуровев, Чжан Бо взглянул на Сунь Янь, и та в напряжении застыла. Что, если он узнает о планах сестры увезти Додо в Америку? Что же делать? Ее сердце сковало паникой.

Но тут Чжан Бо ухмыльнулся ей в лицо – холодно и бездушно.

– Сунь Янь! Давай я тебе расскажу, что за человек твоя сестра. Она эгоистка и не брезгует ничем, лишь бы добиться своей цели. Для нее обмануть кого угодно – сущий пустяк! – продолжал усмехаться он. – На самом деле ума в ней немного. Просто она считает себя самой умной, а всех вокруг – идиотами, которые должны плясать под ее дудку. И когда достигает цели, думает, что одержала победу, хотя на самом деле, как и все мы, просто бежит по кругу, великому кругу наживы.

Сунь Янь слушала затаив дыхание. В ушах все отдавались эхом ядовитые слова, которыми он описывал ее сестру. Чжан Бо говорил с чувством правоты, но ей было тяжело это слышать, его холодная логика и сдержанность победителя раздражали ее. Чжан Бо сыпал заумными фразами вроде: «После матча – значит, перед матчем»¹⁵. Для Сунь Янь это было категорически неприемлемо: как можно сравнивать такие важные вещи с игрой? Но она не находила, что возразить. И он наконец подытожил:

– А Сунь Ли – я ее понимаю! Как бы там ни было, человек должен поступать так, как велит ему сердце... Это ясно как день.

Он молча посмотрел на свои сцепленные руки, выпрямился на стуле и мягко улыбнулся:

– Ты говоришь, что я хороший человек, но это не так. А

¹⁵ Высказывание немецкого футболиста и тренера Зеппа Хербергера (1897–1977). – *Примеч. пер.*

вот ты хорошая, искренне так считаю. Твоя сестра с тобой ни в какое сравнение не идет! А мужчине, который полюбит тебя, невероятно повезет. И еще я обожаю слушать, как ты смеешься. Стоит кому-то пошутить, ты раздражаешься таким чистым смехом! Просто потрясающе...

Ничего подобного Сунь Янь услышать не ожидала. И покраснела от удовольствия. Уходила она от Чжан Бо, не чуя под собою ног. И, вернувшись домой, то и дело вспоминала его слова, чаще всего о том, как ему нравится ее смех. Что это был за человек! Чистый, как горный источник, умный, образованный, великодушный... И почему ей самой не встречался такой же?! Почему она не осмелится признать, что любит его, раз он ей больше не зять?

День, другой, третий Сунь Янь ходила поникшей: все ее мысли и чувства спутались в тугой клубок. На четвертые сутки она по-прежнему пребывала в смятении. Все корила себя: «Как я могу так думать?» И тут же возражала: «А почему, собственно, не могу?»

Иногда ей казалось, что мозг ее перестает работать как нужно, и она как будто глупеет. Но после нескольких дней тревог и терзаний она пришла в себя и поняла: то, что происходит в реальности, не подчиняется ее воле. Ее возможности ограничены, она не способна что-либо решить и может лишь покориться судьбе. Мысли пришли в порядок, и она подумала, что никогда не была бестолковой девчонкой. У нее своя голова на плечах, кое-что она умеет, а значит, надо взять се-

бя в руки, не думать о чем попало и сосредоточиться на работе. Пожалуй, то был единственно возможный, но одновременно и лучший план, и Сунь Янь строго-настрого наказала себе: «Задумала – выполняй!» – и даже повторила это своему отражению в зеркале.

И она таки выполнила свой наказ.

Уже к осени Сунь Янь смогла получить место замдиректора. А перед самым началом зимы сестра приехала из Штатов повидаться с семьей. В доме было холодно, сестры ютились на одной кровати и подолгу беседовали. Сунь Ли активно жестикулировала, на лице то и дело появлялось странное выражение, свойственное лишь иностранцам. Сунь Янь смеялась, но сестра понимала ее и, потешаясь над собой, пожимала плечами.

– Ужас! А я за собой и не замечала...

Из рассказов сестры Сунь Янь поняла далеко не все, но одно уяснила четко: это были речи современного человека, чье мышление находит для самых сложных и запутанных проблем простое, очевидное решение.

Узнав, что поедет с мамой в Америку, Додо пришел в неописуемый восторг и радостно делился этой новостью со всеми, кто попадался ему на глаза. Он с малых лет уяснил, что в Америке хорошо, и наверняка всей душой стремился к гамбургерам и вкуснейшему мороженому, о которых рассказывала Сунь Ли.

Однажды дед разозлился и поколотил его. А когда сын за-

ревел, Сунь Ли отвела его в сторону.

– Так, молодой человек! Плакать – это для девочек! А ну-ка, быстро утрись!

Губы ребенка дрожали, но все-таки он умудрился подавить слезы и уже через пять минут вновь носился по двору с другими детьми.

Оформление развода Чжан Бо и Сунь Ли шло своим чередом. Будто пара старых друзей, они вместе ходили оформлять бумаги, совещались, что и как лучше написать. Процесс двигался тяжело, и оба ходили с хмурыми лицами, но потом дело сдвинулось в мертвой точки, и в итоге все прошло как по маслу.

Сунь Янь с удивлением наблюдала за происходящим со стороны. Когда же об истории с разводом она рассказала Сяо Ло, тот пришел в восхищение.

* * *

Прижавшись в своей постели к Сунь Янь, Ло поглядел на нее с хитрой улыбкой, а потом осторожно сдул с ее лица прядь, упавшую на глаза. Сунь Янь невольно заморгала.

– Знаешь, что я вспомнил?

Она не ответила.

– Я вспомнил твоих сестру и зятя.

Сунь Янь вздрогнула. Об этом ей говорить не хотелось.

– Вот бы все были такие... – вздохнул он.

– Это какие же?

Не ответив, Ло поцеловал ее так крепко, будто приклеился к ее губам и не мог оторваться.

– Интересно, а они в постели еще кувыркаются?

– Да иди ты! – Сунь Янь оттолкнула его, но Сяо Ло продолжал улыбаться.

– А чего ты? Тут наверняка не скажешь! Все возможно...

– Абсолютно невозможно.

– Откуда тебе знать?

– А как я могу не знать? Естественно, я знаю!

– Ты спрашивала?

– Я и так вижу.

– А разве сестра по тебе видит? Ну, про нас с тобой?

Сунь Янь побагровела. Заметив, что она разозлилась серьезно, он поспешил отвлечь ее:

– Ты такая милая, когда злишься... Прямо как маленький зверек, который вот-вот укусит. Ну давай, кусай! Да посильнее!

Укушенный Сяо Ло завопил от боли. Но ей от этого не полегчало.

Сунь Ли с Додо собрались уезжать. Вечером Сунь Янь уложила племянника в постель рядом с собой. Она чувствовала на лице сладкое, едва различимое дыхание ребенка и млела от нежности, утыкалась в волосы у него на макушке. Она близко-близко смотрела на его спящее личико, и из глаз катились слезы.

Перед отъездом сестра пригласила всех домашних поужинать в ресторан. Позвала и Чжан Бо. Отец с матерью, понимая, что дочь скоро уедет, взяли себя в руки и все-таки согласились пойти. Сунь Янь, как и они, чувствовала себя неловко. Она была уверена, что Чжан Бо не придет, да так оно и вышло. От вида Додо, уплетающего за обе щеки, мамыны глаза покраснели, а отец, словно чем-то взбешенный, молча уплетал свою порцию и даже не замечал, когда Сунь Янь подкладывала ему добавку.

Наклонившись к Додо, Сунь Янь прошептала ему на ушко:

– Будешь скучать по тете?

Додо набил рот мясом и не мог говорить, но усердно закивал.

– А по бабушке с дедушкой?

Он опять закивал.

– А по папе?

Тут Додо проглотил все, что было во рту, и отчетливо произнес:

– Конечно, буду! Он же мой папа!

Сунь Янь с одобрением показала ему большой палец и понимающе улыбнулась.

А накануне, движимая неведомой силой, она не удержалась и рассказала сестре о своих тайных отношениях с Ло. Они проболтали в постели до поздней ночи. Сестра вновь рассказывала о своем американском бойфренде, в предвку-

шении скорой встречи она тараторила без остановки. Сунь Янь отзывалась с радостью, хотя и не всегда соглашалась с ней, а в голове все крутилось: а ведь и правда, все только и пляшут под ее дудку...

Стояла глубокая ночь. Сунь Ли зевнула во весь рот и тут же прикрыла губы ладонью.

– Ох! Извини...

Беседа вернулась к Ло.

– Ну здорово! – одобрительно кивнула сестра. – Любовник из него хоть куда! Молодой, симпатичный, в постели просто мустанг... Что тебе еще нужно?

Сунь Янь несколько раз прокрутила эти слова в голове. Что-то в них было не так.

– Да, но...

И не успела она определиться, что именно «но», как сестра перебила ее:

– Никаких но! Знаю я, чего ты хочешь. Того же, чего хотят все дурочки в этом мире. Любви!

Разоблаченная, Сунь Янь прыснула:

– Одна ты у нас не дурочка! Такой гений, что даже страшно...

Сестра улыбнулась ей так, будто вспомнила о чем-то глубоко личном, и неторопливо произнесла:

– Послушай. Я не говорю, что любви вообще нет...

Не договорив, она вдруг умолкла, и Сунь Янь выжидающе уставилась на нее.

– А ты знаешь, что у Чжан Бо есть любовница?

– Что?!

– Он просил никому не говорить. Так что делюсь только с тобой! – Сунь Ли тихонько усмехнулась и покачала головой. – Замечательная история, согласишься? Прямо как в романе...

Сунь Ли бросила взгляд на часы и вдруг воскликнула:

– Ой, уже полночь? А ну, давай спать!

Она вытянула ноги, встала и потянулась, разминая поясницу.

– Ну вот! Завтра... нет, послезавтра... уже буду дома... Эй, ты чего?

Сунь Янь побледнела так, будто ей стало плохо. От новости, что рассказала сестра, ее затрясло.

– Как ты узнала?!

– Что именно?

Сунь Янь чуть нахмурилась.

– Он сам тебе сказал?

– Чжан Бо?.. Да, сам.

– Когда?

– Два дня назад.

– Она недавно появилась?

– Да какое недавно?! Давно уже. Скоро, наверное, поженимся... – Сунь Ли насмешливо улыбнулась. – Хотя это уже так, мои догадки. Поживем – увидим!

Когда Сунь Ли заснула, все погрузилось в тишину. Сунь

Янь закуталась в одеяло от макушки до пят и лежала, не шевелясь, лицом к потолку. Если бы кто-то увидел это вытянутое в струнку тело и вытаращенные глаза, он бы здорово напугался. В душе у Сунь Янь бушевал ураган. Как же так вышло, что, запутавшись в размышлениях, она решила задавить собственные чувства, а в итоге все эти мысли оказались полнейшим бредом? Ее грудь сдавило, а истерзанная душа и поруганное самоуважение переплавились в ненависть. Она ненавидела себя, ненавидела Чжан Бо и сестру с ее американцем, которого она не видела ни разу в жизни, ненавидела до такой степени, что руки и ноги пронизывало дрожью. Чувствуя, что замерзает, она встала наощупь с кровати, выудила из шкафа толстую куртку и накинула на постель поверх одеяла. «Интересно, который час?» – подумала она. А впрочем, какая разница?

Какими же мерзавцами оказываются мужчины на этом свете, какие они бессердечные ублюдки! Ядовитые проклятия срывались с ее губ. А Ло разве не такой же? Звонит ей, когда ему одиноко, и она радостно прибегает по первому зову! Она вдруг вспомнила, что дома у Ло на стене висит их совместное фото с женой...

От ярости и унижения у нее потемнело в глазах, а горло будто сжали удавкой. Сунь Янь почувствовала, что плачет, но ей было все равно. Рванув на себя одеяло, она замоталась в него с головой. Выдыхая во тьму влажный горячий воздух, она беззвучно рыдала, пока голова не пошла кругом, а серд-

це все-таки выбрало сторону тепла и света. Бывают ведь и хорошие люди, наверняка есть. Как должны быть и счастье, и любовь или хотя бы искренность. Это не обман.

Тишина той ночью висела такая напряженная, что даже различалось гудение. Сунь Янь высунулась из-под одеяла и прислушалась. Сперва она долго не могла разлепить глаза, но потом они все-таки открылись. Небо за окном начало светлеть, а потом зазвенел будильник. И наступило утро, замотанное пеленой серых туч.

Через два с лишним года после отъезда Додо, одним поздним августовским днем Сунь Янь с мамой стояли на балконе и смотрели вниз на людей и сновавшие туда-сюда машины, которые казались совсем малюсенькими, а пяти–шестиэтажные здания выглядели упавшими на пол игрушками.

– Ничего себе! Вот это я понимаю, небоскреб! Ты посмотри... это гора Сишань, что ли?

Сунь Янь обернулась. Вдоль горизонта тянулась длинная зеленоватая тень – да, и вправду Сишань! Ее вдруг охватила беспричинная радость, и в памяти всплыли пейзажи необъятных просторов. «Как же все здорово», – подумала она. Этот балкон, эта замечательная квартира, а ее комната – просто предел мечтаний: квадратная, с белоснежными стенами, а из окна видно далеко-далеко. Солнце заливает комнату, веет легкий ветерок, где-то внизу шумит город – начинается новая жизнь...

Многое поменялось за два этих года. Чжан Бо и правда женился. Его новая супруга работала научным консультантом в одной с ним компании, и с семьей Сунь Янь он уже практически не общался.

Ло полгода назад все-таки переехал в Шэньчжэнь. Он звонил ей два раза, оба в рабочее время, и всегда кто-нибудь заходил в его кабинет, и через телефонный провод доноси-

лось каждое движение. Но Сунь Янь это немного успокоило: в конце концов, он не забросил ее на задворки сознания, «с глаз долой – из сердца вон». Ло чувствовал, что Сунь Янь обижается на него, но не обращал внимания и ни к чему ее не принуждал. И хотя она уже испытывала легкое разочарование, теплые отношения сохранились.

Поначалу ей так неистово хотелось поговорить с Чжан Бо, будто стоял вопрос жизни и смерти. Но теперь она уже смотрела на «прошлую себя» с недоумением. Она повзрослела, бывшие события стали уже не важны и практически нереальны. Все менялось, а самой пугающей переменной было старение: шаг за шагом приближалось невообразимо далекое со- рокалетие, как будто в ее жизнь входил все более знакомый и близкий человек. Сунь Янь не паниковала, но чуяла, что стоит поторопиться. Она уже привыкла к свиданиям, которые для нее организовывали знакомые, и встречалась с разными мужчинами: у них были разные профессии, но выглядели все одинаково уныло.

Попадались, конечно, и неплохие, а некоторые даже цепляли за душу, но с теми она уже начинала с болью в сердце осознавать, что больше не так хороша, как прежде, и ей не хватает привлекательности. Тем не менее, характер Сунь Янь не поменялся: она оставалась все такой же хохотушкой, – и выглядела куда живее своих одногодок уже потому, что сердцем не постарела.

Несколько дней назад в их новую квартиру заглянула

Чжоу Хунна – они так и остались подругами. Мама, держа гостью за руку, болтала без умолку, вздыхала, как быстро летит время, старик ее вышел на пенсию и получил это жилье, а Чжоу Хунна отвечала, что квартира такая красивая и большая, они с мужем заслужили ее, теперь могут наслаждаться жизнью. Мама Сунь Янь неодобрительно качала головой и приговаривала:

– Чжоу! Вы с Сунь Янь уже сколько лет дружите. Помогите ей, она же в этом году... Нет, какие же у тебя крупные руки!

Последняя фраза предназначалась Сунь Янь, появившейся на пороге с подносом заваренного чая в руках. Замерев в дверях, дочь уставилась на мать с выжидательным прищуром. Смутившись, мама сделала невинное лицо.

– Ну что ты так смотришь?! Ухожу, ухожу...

Она вышла. Сунь Янь прикрыла дверь, и Чжоу Хунна раззулыбалась.

Сунь Янь рассмеялась в ответ.

– Нет, как ловко тему сменила, а? Руки у меня значит крупные? – смеялась она, вспоминая мамин смущенный лепет.

Подруги разговорились.

– Слушай, есть тут один... Не знаю, помнишь или нет... – сообщила Чжоу Хунна.

– Кто?

Ответила Чжоу Хунна не сразу. И как-то странно посмотрела на Сунь Янь. Будто хотела бы засмеяться, но стеснялась.

– Да кто? Говори же! – ткнула ее Сунь Янь.

– Пань Шулинь. Помнишь такого?

Шулиня, конечно, она помнила прекрасно. В минуты страданий она не раз вспоминала ту раннюю влюбленность, и те времена казались ей такими чистыми и непорочными, такими непонятными и все же такими безоблачными. Но прошлые деньки утекли безвозвратно. Каким же Пань Шулинь стал теперь – даже представить сложно.

И Чжоу Хунна рассказала ей. Он женился, у них родилась дочь, а в июле его супруга скончалась от рака.

Сочувствие к Пань Шулиню захлестнуло Сунь Янь. О том, как страшно потерять близкого человека, она даже думать не могла. А еще Чжоу Хунна рассказала, что у них были замечательные отношения, его жена была простой порядочной женщиной и брала на себя все заботы по дому. Так что теперь, оставшись один, он не понимает, за что хвататься, сердится и страдает.

Эта новость, несмотря на всю жалость к Шулиню, почему-то обрадовала Сунь Янь.

И тут, широко улыбаясь, Чжоу Хунна раскрыла цель своего визита. Дескать, она хочет снова выступить свахой и предлагает устроить им с Пань Шулинем свидание. А Сунь Янь взяла да и согласилась. И уже через день сама постучалась к Пань Шулиню домой.

На первый взгляд, он ни капельки не изменился. И у Сунь Янь без задней мысли вырвалось:

– Ой! А ты все такой же смуглый? – Но тут же зажала рот ладонью и захихикала.

Пань Шулинь жил в многоэтажке в квартире с двумя спальнями и гостиной. Работал он замдиректора организации, относящейся к Управлению легкой промышленности. Сунь Янь показалось, что он живет кое-как: в этом жилище не ощущалось ни красоты, ни уюта, а сам хозяин выглядел как деревенщина.

– Где твоя дочка? – поинтересовалась Сунь Янь.

– В школе. Уже в восьмом классе!

Август стоял прохладный. Пань Шулинь в шортах сидел на стуле, расставив ноги с рельефными мышцами. Сунь Янь лишний раз подумала, как хорошо он сложен.

Они поболтали о том о сем. О его жене Сунь Янь говорить избегала: боялась его огорчить. Она рассказывала ему про свой развод, а Пань Шулинь просто слушал и ничего не спрашивал. И только о дочери наконец рассказал пару слов.

Имя он выбрал ей сам – Лэ, что значит «радость»: пусть у нее радости будет в жизни как можно больше. Он отыскал в выдвижном ящике ее фотографию: на вид совершенно обычная девочка с пухлым личиком и маленькими глазами. Пань Шулинь сказал, что она пошла в мать.

Близился полдень, и Пань Шулинь собрался готовить обед. Поколебавшись, Сунь Янь спросила:

– Чем тебе помочь?

На кухне царили грязь и бардак, вся утварь была покрыта

слоем жира, но Пань Шулинь держался так естественно, что у Сунь Янь защемило сердце. Перед встречей она пыталась представить, как все сложится, и уже точно не могла вообразить, что они окажутся на кухне, но сейчас это казалось совершенно нормальным.

Переминая овощи, Сунь Янь спросила:

– Ты все такой же вспыльчивый?

– Да, такой же, – улыбнулся Пань Шулинь.

– И ребенка своего бьешь?

– Ни в коем случае.

Он понаблюдал за воком с кипящей лапшой, а затем вдруг сказал:

– Ты, наверное, не знаешь, в прошлом году меня арестовали за драку...

Ошеломленная, Сунь Янь повернулась к нему и невольно рассмеялась.

– Правда, не вру. Иначе я бы уже стал директором.

И он принялся подробно рассказывать, как тот человек решил с ним расправиться, нарочно подстрекал и оскорблял его, провоцируя на драку, и Пань Шулинь таки попался на его удочку. Он заехал тому чинуше так, что свернул переносицу, и хотя травма была несерьезной и нос вскоре встал на место, в минуту драки пролилось целое море крови – зрелище не для слабонервных. Тогда он сам решил сдаться в полицию, рассказал, что избил человека, и его арестовали на пять суток.

– С тех пор я сильно изменился. Больше таких глупостей себе не позволяю. Как ни крути, а человек должен себя контролировать. Я так думаю, – очень серьезно заявил Пань Шулинь.

Глядя на него, Сунь Янь невольно расплылась в улыбке. Эта улыбка шла от сердца, в ней не было ни капли насмешки. На самом деле, он показался ей очень занятым, а история с дракой представлялась милым приключением.

– Забавно, – хихикнула она. – Ну совершенно не изменился. Все такой же, как раньше!

Дымка прошлого окутывала события их молодости, и в памяти не осталось уже ничего, кроме легкости и веселья.

Сунь Янь и Пань Шулинь начали общаться. Никто бы не назвал их отношения романтическими, с виду они казались просто друзьями, хотя на самом деле это было не так. Прошел сентябрь, затем октябрь, а Сунь Янь никак не могла решить, выходить ли ей за Пань Шулиня.

Причиной ее сомнений была его дочка Лэ. Девочка относились к Сунь Янь равнодушно, даже высокомерно. Поначалу она показалась Сунь Янь милой, жизнерадостной пухляшкой, однако на деле как радость, так и веселье этой девочке были чужды.

Как-то раз Лэ вдруг заявила:

– Тетя! Как же хорошо, что у вас нет детей...

– А? Что ты имеешь в виду? – с улыбкой переспросила Сунь Янь.

Поразмыслив, Лэ решила не отвечать.

Сунь Янь считала себя хорошим человеком с добрым сердцем, но на этот раз ее доброта не помогала никак. В мозгу роился целый ворох эгоистичных мыслей: зачем вообще выходить замуж? Естественно, чтобы с кем-то жилось лучше, чем в одиночку. А что светит ей? Заботиться о Пань Лэ, чтобы та росла веселой и радостной, – это, конечно, хорошо. Но будет ли весело и радостно ей самой? Постепенно она перестала ходить к Пань Шулиню. А потом узнала, что он нашел себе какую-то медсестру, на которой и женился в итоге.

А Пекин развивался, повсюду вырастали высотки, многие улицы всего за год–два менялись до неузнаваемости, и, гуляя по ним, Сунь Янь замечала, что все меньше городских пейзажей вызывают в ней какие-либо воспоминания. Осенью она прочитала в газете об открытии пятнадцатого «Макдоналдса» – совсем рядом с ее старым домом, – и в груди зашевелилось предчувствие перемен. В голове вдруг возникла странная фантазия, будто она, еще маленькой девочкой, радостно выскакивает из хутуна и подбегает к сияющему «Макдоналдсу». Вот уж чего и представить никто не мог!

Всякий раз, уносясь мыслями в детство, она скучала по родному хутуну. И почему это чувство никак не проходит, заставляя ее возвращаться в родные места?

После работы Сунь Янь села на автобус и в первый раз за долгое время проехала по прежнему маршруту. Между старыми домами теснились новые магазинчики, и улица выгля-

дела несколько непривычно. Автобус свернул за знакомый поворот и остановился. Сунь Янь вышла и огляделась по сторонам, но никакого «Макдоналдса» не увидела.

Начиналась зима, и в вечерних сумерках улица казалось еще уже, чем раньше, да и фонарь светил слишком тускло. Сунь Янь поинтересовалась у случайной прохожей, где здесь «Макдоналдс», но та не знала. Спросила у школьника – тот лишь пожал плечами. Тогда она решила спросить у продавца в магазине и зашла в продуктовый прямо напротив входа в ее хутун. В глубине переулочка мелькнула чья-то фигура, и Сунь Янь разглядела бледное лицо. Затем фигура ступила под свет фонаря. То был Чжай Чжиган.

Сунь Янь оцепенела: как такое возможно? Она словно попала в давно позабытый кошмар. Заметив Сунь Янь, Чжай Чжиган шагнул прямо к ней. Свет фонаря освещал его белую кожу и обильные веснушки.

Сунь Янь задрожала всем телом, затем чихнула и стала искать носовой платок. Но Чжай Чжиган был уже перед ней.

– Привет.

– О, привет... – еле выдавила она.

– Вот уж не думал, что снова встретимся.

– Да? А уж я тем более.

Сунь Янь рассказала, что давно не живет здесь: папа вышел на пенсию, и они переехали в трехкомнатную квартиру. Чжай Чжиган сообщил, что несколько лет назад умерла его мать, отец живет на старом месте один, а он часто ездит

его проведать. Обменявшись еще парой фраз, оба умолкли, уставившись друг на друга с неловкостью и удивлением.

И тут Чжай Чжиган вспомнил, что идет на встречу к их общему школьному другу Ли Ваньли. И если ей интересно, она могла бы пойти туда с ним. Сунь Янь слушала с любопытством, но все же не понимала, о чем речь, и уточнила:

– А зачем он позвал-то?

Оказалось, их одноклассники решили устроить встречу выпускников.

Собирались дома у Ваньли, пришло аж тринадцать человек. Ли Ваньли был все такой же тощий, а когда улыбался, его худощавое лицо покрывалось морщинами, что очень огорчало Сунь Янь. Он радушно жал руку каждому гостю и приглашал всех в свою новехонькую, только что отремонтированную гостиную.

Когда первые эмоции улеглись и собравшиеся убедились, что никто из них ни капельки не изменился, все принялись балагурить и веселиться. Стол ломился от деликатесов, мужчины принесли алкоголь. Супруга Ли Ваньли бдительно следила: у всех ли гостей полны бокалы, достаточно ли закусок, почему никто не пробует приготовленную ею рыбу и так далее. Оглядывая их шикарную квартиру с супер-ремонтom, Сунь Янь мысленно помещала себя в эту обстановку: а как бы ей тут жилось? Но не успела на это ответить, как мысли уже понеслись куда-то еще. Об отношениях Сунь Янь с Чжай Чжиганом никто не упоминал, словно эти двое никогда не

были женаты. В отличие от прочих мужчин, Чжай Чжиган совсем не постарел, но все равно казался ей нелепее остальных: ей было неловко за его трусливую неуверенность. Впрочем, чуть погодя она увидела, что ошибается: Чжай Чжиган оказался в центре внимания с рассказом о том, как набирает учеников в среднюю школу. Вид у него при этом был таким самодовольным, что ей стало противно.

Заиграл магнитофон. Кто-то из мужчин запел на кантонском¹⁶ – алкоголь начал действовать – они скинули пиджаки и все оживленно болтали, перебивая друг друга. Раскрасневшийся Ли Ваньли со всей силы забарабанил палочками по столу:

– Друзья! Давайте все вместе споем «Мы – наследники коммунизма»¹⁷?

Вся компания дружно поддержала идею. И они спели еще много революционных песен.

Вкусная еда, милые лица школьных товарищей, воспоминания юности – от избытка эмоций Сунь Янь смеялась даже больше обычного. Дошло до того, что она то валилась на стол, то падала в объятия сидевшей рядом одноклассницы. Все, кто был рядом, не могли удержаться от улыбки при звуках ее звонкого смеха.

¹⁶ Кантонский диалект – диалект, распространенный на юге Китая, а также в Гонконге и Макао.

¹⁷ «Мы – наследники коммунизма» – песня, которую в 1960 г. написала Цзи Мин на стихи Чжоу Юхуэя; главная музыкальная тема фильма «Герои маленькой восьмой армии» (1961), в 1978 г. стала гимном юных пионеров КНР.

Гости разошлись только к четырем часам дня. Выйдя на улицу, все как по команде растворились в толпе, и Сунь Янь с Чжай Чжиганом снова остались наедине.

У Сунь Янь кружилась голова и живот скрутило. Она не сказала об этом сразу, а теперь ей становилось хуже. Заметив, что ей нездоровится, Чжиган предложил ей руку, чтобы она могла опереться. Она уже собиралась сказать «спасибо, не стоит», но вдруг согнулась пополам, и ее вывернуло наизнанку.

Все это было ужас как неприятно. Но особенно раздражала ее мысль о том, что сейчас она выглядит так, будто сама судьба отвернулась от нее.

– Со мной все в порядке! – сказала она. – Ступай домой.

Но Чжай Чжиган уходить не стал. Отыскав на улице свободную скамейку, он усадил на нее Сунь Янь, а сам остался стоять перед ней, не сводя глаз со спешащих мимо прохожих. Их парочка выглядела комично, и она улыбнулась.

– Может, тоже присядешь? Чего стоять-то?

Чжай Чжиган сел. Он согнулся, уперся локтями в колени и стал оцепенело смотреть вперед. Через некоторое время он повернулся к Сунь Янь:

– Ну как? Лучше тебе?

– Да... Пойдем? – ответила она и поднялась. Но Чжай Чжиган остался сидеть.

– Давай, еще посидим? – попросил он. – Мне нужно с тобой поговорить...

Нынешняя жизнь Чжай Чжигана оказалась совсем не такой, как она себе представляла. Теперь у него была очень строгая жена, которая не любит его. Их сын родился с синдромом Дауна, и супруга постоянно винит в этом Чжай Чжигана. Кого же винить ему? Лишь теперь он понял, какими злобными, коварными чудовищами могут быть женщины. Жену свою он ненавидел, но ничего не мог с ней поделать. Встречаться с ней он боялся и после работы шатался по улицам, лишь бы не возвращаться домой. Только мысли о бедном дурачке-сыне давали ему сил терпеть все это и дальше.

Чжай Чжигана словно прорвало, и водопад ненависти и обиды хлынул наружу. С посеревшим лицом и бледными губами, он говорил и говорил, глядя в одну точку перед собой. Наблюдая за ним со стороны, Сунь Янь слушала, затаив дыхание, и боялась пошевелиться. Неподалеку от них дети играли в догонялки, и холодный осенний ветер разносил их крики по всей округе.

Наконец, откровения Чжай Чжигана иссякли. Он умолк и уставился на свои руки, сцепленные на коленях.

– И что же ты будешь делать? – осторожно поинтересовалась Сунь Янь.

– А что тут поделаешь? Надо жить дальше...

Прошло немало времени, прежде чем он все-таки расцепил руки. Лицо его исказило смущение, и он бросил взгляд на Сунь Янь:

– Какая же ты хорошая! Жил и своего счастья не знал...

Следующие несколько дней Сунь Янь прожила с тяжелым сердцем. С одной стороны, она жалела Чжай Чжигана. С другой — он казался ей уже совсем бестолковым. Злость распирала ее. А ведь раньше, когда они были вместе, он совсем не обращал на нее внимания. И как она все это терпела? Вот же люди! Проявишь к ним мягкость — начнут тобой пользоваться, а останешься твердой — станут бояться...

Она вспомнила его рассказ в гостях у Ли Ваньли. Сколько людей обращаются к нему, чтобы пристроить ребенка в хорошую школу. Но разве это возможно: в одиночку удовлетворить желания каждого?

Сердце Сунь Янь сжалось. Чжай Чжиган сидел на улице в сумерках, подавшись вперед и глядя прямо перед собой. В глазах его читалась такая боль, что ей захотелось помочь ему, чего бы это ни стоило.

Впрочем, она прекрасно понимала, насколько сама эта мысль нелепа. Чем она может ему помочь? Да ничем. У нее и самой не было никаких планов на дальнейшую жизнь.

* * *

В вечерний час Сунь Янь стояла у окна и смотрела на сияние золотого заката. За окном металась какая-то тень. Растерянный голубь то залетал в ореол спящих лучей, то вновь исчезал в полумраке. А Сунь Янь, глядя на него, только и бормотала: верно, верно...

Ее вдруг осенило: а ведь если бы в браке с Чжай Чжиганом у нее не случился выкидыш, она родила бы больного малыша! От этой мысли сердце ухнуло в пятки. А затем ее охватил такой восторг, будто гора с плеч свалилась, и на душе стало легко, как никогда.

Зазвенел телефон. Узнав в трубке голос Ло, она удивилась:

– Откуда ты знаешь этот номер? Где ты?

– В Пекине.

Оказалось, приятель Ло собрался выпустить книгу по экономике, но совершенно ничего не смыслил в издательском деле, поэтому решил проконсультироваться у нее. Он снова пригласил ее на ужин, но на этот раз Сунь Янь выбрала дорогой ресторан и сказала:

– Барана закалывать буду я! – В том смысле, мол, угощаю. Сяо Ло хохотнул.

– Надеюсь, твой нож заточен как надо!

Нарядилась она просто шикарно. Несмотря на зиму, облачилась в платье и кожаные ботфорты на высоком каблуке. Повертелась перед трюмо, прошла туда-сюда и осталась довольна. Из зеркала на нее смотрела миниатюрная изящная женщина с чуть выступающим животиком и округлым лицом. Умная, немного насмешливая. Накинув на плечи платок, Сунь Янь погасила свет и вышла из дома.

До ресторана «Золотой парус» она добралась на такси. В вечерних сумерках огни заведения и правда складывались

в силуэт парусника. Выйдя из машины, она вздрогнула то ли от холода, то ли от удивления. О боги! Да это же тот самый переулок, куда она ходила на бухгалтерские курсы! А вон там, в двух шагах, – неужели *та самая* автобусная остановка? Темнело. Зажглись фонари. В памяти Сунь Янь одна за другой проносились сценки из прошлого – настолько яркие, будто повторялись прямо сейчас. А потом ее осенила мысль, непостижимая, пугающая, удивительная. *Все происходит точь-в-точь, как прежде, не так ли?* Пань Шулинь, потом Чжай Чжиган, и вот теперь – снова Сяо Ло? Она застыла, не в силах пошевелиться, и простояла так целую вечность.

Сяо Ло сильно располнел, стал шире лицом. Сунь Янь поделилась с ним своим открытием, и он улыбнулся:

– До тебя только сейчас дошло? А я-то думал, ты специально все это подстроила...

– Специально?! – возмутилась она.

Ло предпочел отшутиться:

– Ох уж эти женщины... Обожают притворяться, будто ничего не понимают!

Сунь Янь смущенно призналась, что еще никогда не бывала в таком известном заведении, только слышала про него. Сяо Ло махнул рукой.

– Да какая разница? Теперь вот пришла, и слава богу! Лучше ответь: ты что, какие-то пилюли принимаешь? Как тебе удастся так молодо выглядеть?

Удивлялся он искренне и естественно – настоящий мастер делать женщинам комплименты.

Кроме того, блюда, которые выбирал Сяо Ло, всегда оказывались вкусными и необычными. Сунь Янь уплетала за обе щеки. Из бокалов на высоких ножках они потягивали красное “Great Wall”. Хотя Сунь Янь к вину почти не притрагивалась: боялась, что ей опять станет плохо.

За окном, как на театральной сцене, разыгрывался спектакль о жизни зимнего города. Представление уже близилось к концу: прохожих почти не осталось, на улицы опускалась ночная мгла.

Ло довез ее домой на такси.

Всю следующую неделю они встречались чуть ли не каждый день. Она сводила его в издательство и познакомила с редактором, который занимался книгой приятеля Ло. Через неделю Ло понадобилось уехать в Фучжоу на какую-то презентацию, и Сунь Янь согласилась взять издательский процесс под свой контроль.

Мистическое прозрение, посетившее Сунь Янь на пороге «Золотого паруса», никак не выходило из головы. Воспитанная в традициях материализма, она не верила в Бога, но при этом не отрицала существование потусторонних сил. И того, что происходило с нею, ни случайностью, ни совпадением не объяснить. «Неужели, – думала она, – дальше я опять повстречаю Чжан Бо?!»

Вслед за зимой пришла весна, за которую прямо перед но-

сом Сунь Янь дважды проносились ласточки – стремительные черные пятнышки, которые она восприняла как счастливую примету. Лето выдалось нестерпимо жарким, и, когда оно кончилось, все облегченно вздохнули.

Сунь Янь познакомилась с шестидесятилетним инженером. У него была квартира и приличный счет в банке. Да, староват, но в отличной форме и совершенно здоров. Поразмыслив, Сунь Янь согласилась на первое свидание. К своему возрасту она уже перестала витать в облаках и не питала грандиозных надежд. Как по собственному опыту, так и на примерах своих близких она усвоила, что жизнь сама по себе – вереница несчастий, будничной суеты и заурядности. Иногда ей казалось, что в одинокой жизни есть свои преимущества, а иногда – мечтала о спутнике, каком угодно, был бы только здоровый и не злой.

Чжан Бо в ее жизни больше не появлялся, и это погружало ее в пучину вопросов и сомнений. Она прочитала гору эзотерической литературы: «Книгу перемен»¹⁸, все про Колесо Сансары и секрет жизни. Но чем больше она в это вчитывалась, тем чаще из глубины сознания выскакивал какой-то чертик и начинал смеяться над ней.

Инженер по фамилии Чэнь оказался стройным мужчиной, совсем не похожим на шестидесятилетнего: с виду он

¹⁸ «Книга Перемен» («И цзин») – один из древнейших китайских трактатов; в нем содержится гадательная система, основанная на концепции инь-ян – основной концепции китайской философии.

казался вполне энергичным. Сунь Янь обращалась к нему «господин Чэнь». Они общались какое-то время, вместе гуляли в парке, ходили в театр. Чэнь уже вышел на пенсию, и свободного времени у него было хоть отбавляй. Сунь Янь не говорила родителям о том, что происходит: не знала, что они подумают. Как говорят, пускай телега подкатит к горе, а там и дорога найдется. В смысле, из любого положения можно найти выход.

Как-то вечером они сидели на диване в доме Чэня и смотрели телевизор. Внезапно Чэнь протянул руку и обхватил Сунь Янь за плечо, отчего она невольно прильнула к нему. В ноздри бросился его запах: стариковский, маслянистый. Она отстранилась, пробормотала: «Мне нужно в туалет», – и поднялась с дивана.

Сама она не могла объяснить, почему эта ситуация раздражает ее. Но пока она колебалась, Чэнь высказал ей все напрямую: у них слишком большая разница в возрасте, так что ничего не выйдет. И Сунь Янь, конечно, не смогла с ним не согласиться.

А вскоре коллега рассказала ей о другом одиноком мужчине. Жена его умерла от болезни, но осталась дочь, которая училась в другом городе, а сам он работал в госструктуре. Когда же Сунь Янь услышала его имя – Пань Шулинь, – она буквально подпрыгнула от удивления. Да ладно! Быть такого не может... Неужели это не розыгрыш?

Под конец рабочего дня в офисе остались только Сунь Янь и ее коллега Цао. В лучах заката стены их конторы будто светились изнутри.

– Как, ты сказала, его зовут?

Блики солнца в очках Цао превратились в два желтых пятнышка. Склонив голову набок, она посмотрела на Сунь Янь.

– Пань Шулинь...

– Это не смугленький такой, случайно?

– О, да... Так ты его знаешь?

– Тот Пань Шулинь, которого знала я, был женат.

– Был, но она умерла.

– Кто?

– Его жена, медсестра. Стало плохо прямо на работе, спасти не успели.

Сунь Янь уставилась на Цао.

– Как забавно... – протянула она и нервно хихикнула. Но тут же поняла, что сморозила глупость, и прикрыла рот ладонью. Но жаркая волна удивления, поднявшись откуда-то изнутри, все же заставила ее губы расплыться в улыбке.

Взглянув на нее с опаской, Цао невольно поднялась со стула, видимо, решив, что у Сунь Янь шалют нервы. Но та уже не могла остановиться: сдавленный хохот душил ее, и на глазах показались слезы.

Когда же Сунь Янь объяснила ей, в чем дело, Цао вздохнула:

— А! Ну, если б я знала, я бы, конечно, не стала скрывать, что это у него уже вторая жена-покойница. Но я боялась, вдруг ты решишь, что на нем какое-то проклятье? — Она запнулась. — Кое-кто ведь и правда считает, что он приносит людям несчастье.

Сердце Сунь Янь задрожало. Но ситуация по-прежнему казалась ей забавной, и она хохотнула еще пару раз, прежде чем посерьезнела. Солнце уже зашло, небо вдоль горизонта подернулось красным. Глядя на ослепительное золото облаков, Сунь Янь невольно прищурилась.

Не сводя с нее глаз, Цао выдержала паузу и добавила:

— Тебе не обязательно решать прямо сейчас. Мне-то все равно, встретитесь вы или нет. Просто подумай об этом.

Сунь Янь едва заметно кивнула, но попросила ни в коем случае не рассказывать Пань Шулиню заранее, кто она.

Выйдя из офиса, она зашагала по улице. Сердце в груди колотилось как бешеное. Возвращаться домой не хотелось. Она зашла в ближайший парк и присела на скамью. Красные сполохи заката, проглядывая сквозь тополиные кроны, медленно растворялись во тьме.

Началась очередная весна, и мир наполнился сыростью и прохладой. Время бежало вперед непрерывно и размеренно, как океанские волны. На минуту голова Сунь Янь опустела: ни единой мысли не бредило сознания. И где-то внутри нее

заиграла мелодия, до боли знакомый мотив, повторявшийся, как на шарманке, снова и снова. Сунь Янь вспомнила: эту песенку она напевала, когда они только начали встречаться с Пань Шулинем и однажды вечером гуляли по улице Чань-аньцзе. В душе словно что-то разбилось. «Вот и жизнь прошла», – подумала она. А счастья у нее так и не было. Ее охватил озноб, и, посидев так еще немного, она вскочила со скамьи в очередном душевном порыве.

Да, она выйдет за Пань Шулиня, почему бы и нет? Ей уже сорок пять, и, видимо, это ее судьба. И если она откажется ее принять, другого подходящего человека может уже не встретить. А Шулинь здоров, и они понимают друг друга. Разве не так?

Вечером взбудораженная Сунь Янь не могла найти себе места. Ей нужен был тот, кто выслушал бы ее и рассудил, правильно ли она поступает. И она рассказала все маме.

Мама сидела в своей тесной комнатке на кровати. Рассказ дочери вдохновил ее так, что она порозовела. А слухи о проклятии она отмела.

– Как в таком культурном учреждении могут работать настолько суеверные люди? – возмутилась она. – Любой человек стареет, болеет и умирает – это реальность. Главное – насколько он добрый, честный и порядочный. Работает на государство – это важно. А как у него с порядочностью?

– Да что это за вопрос, мама?!

– С этим вопросом как раз не мешало бы разобраться по-

лучше. А остальное, по-моему, не имеет значения. Возраст у тебя поджигает. В таком возрасте бездетных не бывает, одна ты у нас исключение.

— Ладно-ладно, я поняла!

Но маму было уже не остановить.

— Только не комплексуй от этого. Зачем тебе лишние переживания? Лучше думай: как я буду относиться к его дочери, так и он будет относиться ко мне. Я дело говорю, ты уж мне поверь. А дети вырастут и уедут. Никто не живет с родителями всю жизнь! Это только ты у нас...

Морщась от досады, Сунь Янь встала с ее кровати и пошла смотреть телевизор. Уже раздеваясь перед сном, она испугалась, что от всех своих треволнений не сможет уснуть, но когда улеглась под одеяло и уставилась на круглое пятно света от настольной лампы, наконец расслабилась. Она потушила свет и почти сразу погрузилась в сон.

Наутро Сунь Янь сообщила маме, что уже решила встретиться с Пань Шулинем, и, если он не будет против, они поженятся.

В мае они подали заявление. Свадьбу справили просто: пригласили ближайшую родню и лучших друзей в ресторан. Даже Лэ приехала из своего Тяньцзиньского университета. За то время, пока Сунь Янь не виделась с ней, она стала настоящей красоткой: высокой и стройной, от пухлых щечек не осталось и следа.

Сунь Янь переехала жить к Пань Шулиню. С появлением

хозяйки в его доме стало чисто, опрятно – любо-дорого посмотреть. Пань Шулинь относился к их браку очень своеобразно. Говорил он по-прежнему мало, но однажды все-таки умудрился ее обидеть.

Это случилось за ужином. С аппетитом работая челюстями, Пань Шулинь вдруг расплылся в улыбке.

– Ты чего? – спросила Сунь Янь.

Продолжая улыбаться, он скосил глаза на жену.

– Да на работе сегодня болтали. И старина Ян вдруг как ляпнет! Дескать, просчитался Шулинь, раз такую старушку себе отхватил! – сообщил муж и продолжил есть.

Сунь Янь в замешательстве уставилась на него.

– Бред какой-то... – только и выдавила она.

После ужина они, как всегда, уселись смотреть телевизор. Пань Шулиню нравились новости и спортивные передачи. В тот вечер Сунь Янь устроилась на диване, слова Пань Шулиня оставили неприятный осадок. Она ощупывала его взглядом: как он задирает кверху ноги, как ковыряется в зубах – зрелище не из приятных. Хотя, что говорить, Пань Шулинь был все же в отличной форме: накачанный пресс, ни единого лишнего килограмма по всему телу. Сунь Янь опустила голову, взглянула на свой животик и зажала пальцами складку. Мысли о своем несправедливом уделе понемногу отступали. Перед сном она чистила зубы в уборной, в памяти снова щелкнуло, точно лопнувший мыльный пузырь, это словечко: «Старуха». Но она лишь прыснула через нос.

Начались октябрьские каникулы¹⁹, и Лэ приехала домой. Они с Сунь Янь отправились по магазинам. Еще издали они заметили у входа в торговый центр «Чайна-молл» огромную толпу. Вокруг развевались разноцветные флажки, а с десятиэтажной высоты свисала широкая кумачовая лента. Там, в вышине, она вздымалась под ветром так яростно, будто хотела сорваться и унести в небеса.

Перейдя дорогу, они угодили в гущу охотников за лотерейными билетами. На подиуме над головами толкавшихся сверкали два роскошных серебристых автомобиля. Под радостное улюлюканье сразу несколько пар рук пытались вынести из толпы роскошный горный велосипед. Охваченная любопытством, Лэ привстала на цыпочки.

– Эй, посмотри! Кто-то и правда выиграл! – Она вдруг повернулась. – Давай, попробуем? Может, и нам повезет?

Сунь Янь в лотерейное счастье не верила, но все же дала ей купюру в пятьдесят юаней. Схватив деньги, девчонка полезла в толпу.

Флажки с громким хлопанием трепыхались на ветру. Особо сильным порывом кумачовую ленту все-таки сорвало, и она закружилась в воздухе, словно гигантская змея, а потом заползла на верхушку здания и распласталась на голубом стекле. Пока Сунь Янь любовалась этим зрелищем, толпа зажала ее так, что не повернуться. Каждый отчаянно пы-

¹⁹ Так называемая «золотая неделя» – ежегодные выходные с 1 по 7 октября в честь основания КНР. – *Примеч. пер.*

тался прорваться поближе к подиуму, от которого то и дело доносились разочарованные возгласы.

Толпа выносила ее все ближе к подиуму, к серебристым автомобилям, перед которыми стояла красная табличка с черными цифрами, то был денежный, самый ценный из всех призов. Кто-то больно наступил ей на ногу, но извинений не последовало. Всем было плевать на всех, и это жутко злило ее.

Неожиданно ее занесло в стайку тех, кто уже приобрел билет и пытался выбраться из давки. Теперь ее уносило от подиума прочь. Она взглянула на удаляющиеся призы, и сердце ее дрогнуло. Не раздумывая, Сунь Янь заработала локтями, в ярости распахала всех, кто стоял у нее на пути, прорвалась под их недовольные вопли обратно к подиуму и купила аж три билета.

Она выиграла главный приз – двести тысяч юаней.

Получив выигрыш, Сунь Янь с довольной улыбкой спросила мужа:

– Так кто из нас просчитался, старичок?

– Конечно, я! – расхохотался муж.

Более тридцати тысяч они потратили на ремонт квартиры. Разработку дизайна, закупку материалов и контроль выполнения всех работ Пань Шулинь полностью взял на себя. Благо, здоровье позволяло, иначе бы не справился. Бригада рабочих из Аньхоя постоянно упиралась в какие-то проблемы, требовала денег, и Пань Шулинь с утра до вечера ходил такой угрюмый, что у Сунь Янь сжималось сердце от тревоги. И лишь когда все закончилось, он наконец-то заулыбался и пригласил рабочих выпить по пиву.

В подобной суете время летело быстро. Накануне первого января Пань Шулинь и Сунь Янь уселись на новенький широкий кожаный диван смотреть телевизор. Сунь Янь огляделась по сторонам и удовлетворенно улыбнулась. Затем перевела взгляд на сидевшего рядом мужа и также осталась довольна. Почувяв на себе ее взгляд, Пань Шулинь улыбнулся, обнажив белоснежные зубы.

– По-моему, неплохо...

– Конечно, неплохо! Кто бы спорил!

– Дальше, думаю, можно купить машину. Например,

2020-й «Джип». Как думаешь?

– Чего-о? – вытаращилась на него Сунь Янь. Она и подумать не могла, что Пань Шулинь такой транжира! Согласиться на это она, конечно, никак не могла: деньги следовало отложить на дальнейшую жизнь.

– Ну ты сама подумай: эти деньги послало нам Небо, не так ли? Вот и представь, как здорово было бы жить с машиной. Ездили бы куда захотим. Красота! – радостно уговаривал муж, но Сунь Янь и слушать его не хотела. Он же не принял отказа всерьез и решил обрабатывать ее потихоньку. Сегодня скажет: «Ладно, давай не 20-й, можно и какую попроще...» А завтра: «Захочешь микроавтобус – я не против. Я за рулем, ты рядом, разве не здорово?»

Сунь Янь переводила все в шутку, пока однажды это ей не надоело.

– Можешь и не мечтать. При моей жизни ты этого не дождешься. Разве что еще и меня на тот свет спровадишь!

Не успев договорить, она уже поняла, что ляпнула что-то не то. Но было поздно. Пань Шулинь изменился в лице.

– Ты на что намекаешь?

– Ни на что... Прости меня! – поспешно извинилась Сунь Янь.

– Ты правда решила, что мне нужны твои деньги?! Ну так знай: я, Пань Шулинь, отродясь деньги ни во что не ставил. Деньги – что это вообще такое? Тьфу!

Лицо Пань Шулиня перекосилось. Глаза его, белые, точно

воск, забежали, а затем устали на Сунь Янь. По щекам ее покатились слезы. Почувствовав, как все вокруг поплыло, она развернулась, кинулась в спальню и захлопнула за собой дверь. Вопрос о машине больше не вставал у них никогда.

На Новый год по лунному календарю в балетном театре снова давали «Красный женский отряд». Пань Шулинь купил билеты на лучшие места: в восьмом ряду прямо напротив сцены. В воздухе перед плотно задернутым занавесом радостно кружились пылинки, а огромная люстра придавала обстановке особый шарм. Сунь Янь вертела головой, разглядывая шикарно разодетую толпу. Все было совсем не так, как в тот день, когда они смотрели этот балет впервые.

Музыканты принялись настраивать инструменты. Прозвенел звонок. Изысканный узор на потолке растворился во мраке, прожектор осветил оркестровую яму. Тихая трепетная мелодия – «Вперед, вперед...» – с первых же тактов унесла Сунь Янь в далекое прошлое.

Охваченная восторгом и печалью, она уставилась на сцену невидящим взглядом. А чуть погодя, очнувшись, посмотрела на мужа. Тот сидел с серьезным видом, выпрямив спину, полностью поглощенный представлением. Сунь Янь улыбнулась.

Как только представление закончилось, она спросила у мужа:

– А ты помнишь, как много лет назад мы смотрели эту же постановку, и ты заснул?

Пань Шулинь удивился.

– Что? Мы с тобой уже смотрели этот балет? Не может быть!

Сунь Янь и не думала, что такое яркое событие может настолько стереться из его памяти. Решив, что он шутит, она расмеялась:

– Да ты притворяешься!

Он возмутился:

– Где же я притворяюсь?

Осознав, что он действительно все забыл, Сунь Янь по-мрачнела и не нашла, что ответить.

Весь март погода менялась день ото дня. Отец Сунь Янь подхватил воспаление легких, слег в больницу, и ей пришлось ночами дежурить у его постели. В одну из таких ночей в их квартиру на втором этаже забрался вор. Пань Шулинь проснулся, сцепился с ним и получил дюжину ударов ножом, один – прямо в сердце. Так закончилась их семейная жизнь, не продлившаяся и года.

* * *

Прошло два с лишним месяца.

Весна, как всегда, принесла с собой пару песчаных бурь и несколько ливней. На улице быстро теплело, листья на деревьях становились все крупней и темнее. В жизни Сунь Янь то была сорок шестая весна, но смена времен года уже не вызы-

вала в ее сердце бывшего восторга. Ни ясного неба над головой, ни ласковых солнечных лучей она больше не замечала.

Жила она снова с родителями. И в один из погожих денечков вышла из дома с кожаной косметичкой в руке. За эти два месяца лицо ее осунулось, но в движениях зрелой женщины снова проглядывала грация юной девушки.

Торопливым шагом она добралась до проспекта. Теплый ветерок разметал волосы. Привычным жестом она убрала длинную прядь с лица и взмахом руки остановила такси.

Машина понеслась по городу, чуть не летя над мостовой, но ближе к дорожной развязке скорость начала падать. Через пару минут они уже двигались не быстрее пешехода, а потом и встали окончательно. Но молочно-белое здание банка уже маячило перед глазами, и Сунь Янь решила не терять времени и выйти сразу.

По пешеходной дорожке она спустилась с эстакады и, задрав голову, окинула взглядом высотку. В глаза ударил слепящий свет: блики солнца плясали на стеклах здания, а над сверкающей верхушкой дрейфовали белые облака.

Лишь теперь она заметила, в каком красивом месте очутилась: вокруг зеленели лужайки, обнесенные аккуратными бордюрами, а чуть поодаль белела какая-то скульптура. Сунь Янь легонько вздохнула, и этот просторный солнечный пейзаж, будто в ответ, овеял ее сердце ласковым ветерком.

На ближайшей лужайке сидел... От изумления у нее перехватило дыхание. Чжан Бо?!

Сунь Янь застыла. Сердце заколотилось так бешено, что она в панике прижала ладонь к груди. Что происходит? Сердце, казалось, повесили в воздухе, выворотили, как пустой карман. Заметив, что Чжан Бо с улыбкой встает, она почему-то спряталась за деревом.

К Чжан Бо приближались двое: женщина и маленький мальчик. Сунь Янь чуть не вскрикнула от удивления. Мальчик вырвал ладошку из маминых пальцев и бросился к Чжан Бо в объятия.

Женщина была совсем молодая. Ее волосы трепал ветерок, и она придерживала их обеими руками. Судя по выражению на ее лице, объятиями отца и сына она любовалась, как прекрасным пейзажем.

Застравшие в пробке машины сигналили все отчаянней. Сунь Янь, наконец, сообразила, что скрываться за деревом нет никакой нужды.

– Совсем больная! – обругала она себя. И, развернувшись, зашагала прочь. Кто мог подумать, что она и впрямь наткнется на Чжан Бо, да еще с женой и сыном?! Что вообще все это значит? Какую тайну пытается раскрыть ей жизнь?

Не удержавшись, она все-таки обернулась. Все трое стояли на том же месте и счастливо улыбались друг другу. А как иначе?

Она двинулась дальше. Перед глазами одна за другой проплывали сцены из прежней жизни. Память ныряла все дальше в прошлое, до самой юности... В горле ее запершило, в

глазах помутнело, и она запрокинула голову, пытаясь сдержать слезы.

Стоял чудесный майский день, прозрачное небо сияло, будто огромное зеркало, отражающее все, что происходит на земле. Волшебное зеркало, в котором ее глаза не видели ничего, кроме бескрайних просторов.

Сунь Янь смахнула слезинку в уголке глаза и успокоилась. Остановившись у входа в банк, она достала из сумочки косметичку и раскрыла зеркальце, чтобы срочно увидеть свое отражение.

Пиршество чувств

华沙 的 盛宴

Лето вступило в свои права. После долгих дождей небо вновь засинело, и на его фоне проступили величавые очертания металлургического завода в ореоле туманного, загадоч-

ного сияния. Клубы желтоватого дыма из высоченных труб затмевали солнце. Заводской гул разносился по всей округе – такой навязчивый, будто с разных сторон звонили в колокола.

В этом нескончаемом гуле Ма Хуаша различила звонкий лязг вагонных колес. Поезд идет!

Сотрясая землю, тяжеленный состав проползает мимо черных цеховых зданий и медленно, будто через силу, покидает заводской городок. Вот он заворачивает за первый поворот – и направляется к красным кирпичным зданиям общежитий. Как только на переезде плавно опускается шлагбаум, Ма Хуаша и другие дети цепочкой выстраиваются вдоль путей.

Грозный локомотив приближается, таща за собой вереницу вагонов. Грохот и лязг затапливают все вокруг. Оглушенные дети с восторгом наблюдают за ним, ощущая, как гигантский состав уносит с собой их юные души, как все они обращаются в ветер, растворяются в лязге, дыме и пыли из-под колес... И когда проезжает последний вагон и чары развеиваются, дети выскакивают на рельсы и бегут вслед за поездом наперегонки, пока не просвистит гудок паровоза. Все они точно знают, что гудок просвистит – да не когда-нибудь, а прямо сейчас.

Вот машинист тянет за трос... Гудок! Клубы дыма реют в воздухе, словно знамена. Ма Хуаша вырывается вперед и кричит во все горло:

– Победа! Да здравствует Председатель Мао²⁰! Ура-а!

Локомотив со статуей Председателя Мао с поднятой в приветственном жесте гигантской рукой. Проезжая мимо этой статуи, машинисты всегда издают гудок – в знак почтения к Председателю. Теплый пар поднимается к белому лицу Мао и окрашивает его улыбку в строгие серые тона.

Ма Хуаша – смуглая девочка с правильными чертами лица. Таким именем ее нарек папа. В год, когда она родилась, ее папа Ма Юншань начал водить автомобиль «Варшава»²¹, по-китайски – «Хуаша». Когда дочери стукнуло шесть, папин автомобиль съехал носом в канаву, оттесненный огромной фурой «Цзефан»²². К счастью, на тот момент никого из заводского начальства в машине с папой не оказалось. Оправившись после аварии, Ма Юншань остался калекой и с тех пор ходил с тростью. Начальство перевело его сторожить амбары в ночную смену.

Семья их жила в одном из общежитий, в здании из красного кирпича. По вечерам в там кипела жизнь: шумели водопроводные краны, все разводили в печурках огонь, и от

²⁰ Мао Цзедун (1893–1976) – основатель Китайской Народной Республики, возглавлял ее в качестве председателя Центрального комитета Коммунистической партии.

²¹ Польский легковой автомобиль, производившийся компанией FSO с 1951 по 1973 г. Изначально – лицензионная копия советского ГАЗ-М-20 «Победа», переработанная и модернизированная силами FSO.

²² Марка грузовых автомобилей, производящихся в Китае с 1956 г. Первая модель копировала советский ЗИС-150.

густого дыма першило в горле, дети с радостными воплями носились по коридорам, летавшая в воздухе пыль смешивалась с аппетитными ароматами готовящейся еды. Сразу после ужина папа уходил на смену. Ма Хуаша, звеня пиалами, складывала грязную посуду в зеленый тазик, выносила во двор и мыла у бака с водой. Она выворачивала кран на полную, из трубы вырывалась бурная струя, и брызги весело разлетались во все стороны.

Тем вечером она, как обычно, мыла посуду во дворе, как вдруг к ней приблизилось что-то белое. Обернувшись, Ма Хуаша увидела незнакомую девочку примерно одного с нею возраста. В белой сорочке и белых кедах. Все вещи такие чистые, что в наступивших сумерках она выглядела как призрак.

Их взгляды встретились.

– Слушай, может, убавишь воду? – сказала незнакомка.

– С чего это?

– Мне пройти надо. – Девочка бросила взгляд на свои белые кеды.

– Ну и проходи, кто тебе не дает? – Ма Хуаша начала раздражаться.

– Сначала кран перекрой.

– Да проходи уже, в конце-то концов.

– Кран закрой.

– И так пройдешь!

Какое-то время девочки препирались, но в конце концов

Ма Хуаша протянула руку, завинтила кран – и незнакомка мышкой проскользнула мимо.

Новую обительницу общежития звали Ци Цяо, и жила она в пятом корпусе. Ее папа, Ци Цзунъи, был военным в отставке, переведенным на гражданскую службу. Мама, Сяочжао, работала продавщицей. А еще у девочки были два старших брата-близнеца – Чжун и Юн.

Ма Хуаша и Ци Цяо быстро подружились. Ма Хуаша показала новой подруге каждый закоулок огромной заводской территории. Они взбирались на гору из мотков стальной проволоки, лазали в длинную и темную стальную трубу и пугали друг друга. С подачи Ци Цяо девочки даже обзавелись собственным «домиком» – бесхозным бетонным кольцом, обнаруженным в зарослях бурьяна.

Они натащили туда всякой утвари, обустроились поуютней и стали играть в дочки-матери: Ма Хуаша – папа, Ци Цяо – мама, а ее тряпичная кукла – их дочь. Стопка фантиков из фольги, аккуратно нарезанных Ци Цяо, служила зарплатой. Деньгами в их «семье» распоряжалась жена, поэтому Ма Хуаша, приходя с работы, отдавала «зарплату» Ци Цяо. «Жена» была хозяйкой добросовестной: собирала съедобные растения, закупала зерно, уголь, мыло, кремы – и даже выпивку для «мужа». Ма Хуаша «напивалась» и ходила пошатываясь, так что Ци Цяо смеялась до упаду.

Обычно Ци Цяо тайком от матери мазалась ее кремом для лица. Ма Хуаша замечала, что с этим кремом лицо Ци Цяо

становится ароматным, как весенний цветок. Однажды по дороге в школу Ци Цяо вынула из кармана сумки спичечный коробок и протянула Ма Хуаша. Внутри оказался крем.

А еще она дала Ма Хуаша поносить свои белые кеды. Надев их, Ма Хуаша почуяла, что за спиной у нее выросли крылья: она не ступала по земле, а парила в воздухе. Окрыленная этой радостью, девочка впорхнула в общежитие и похвасталась перед мамой, но мама – ее звали Хао Ланьжун – велела дочери:

– Сейчас женими и верни хозяйке!

Семья у Ма Хуаша была не такой богатой, как у Ци Цяо, отец которой заведовал отделом кадров. Дома у них стояли два дивана с обивкой из красной искусственной кожи и покрывалами с изображением тигра, а также настольная лампа с голубым пластиковым абажуром. Но главным объектом ее зависти был огромный платяной шкаф с зеркальными дверцами, в которых можно было увидеть себя в полный рост. В доме Ма Хуаша таких вещей отродясь не водилось. А круглое зеркальце, что висело у нее на стене, отражало разве что пол-лица.

Днем, когда родителей Ци Цяо не было, девочки обожа-ли вертеться перед дверцами шкафа и рассматривали себя с головы до ног. В зеркале отражалось белоснежное личико Ци Цяо с черными как смоль бровями в форме ласточкиных крыльев, а над верхней губой пробивался пушок, и Ма Хуаша смеялась, что у подружки растут усы. Ци Цяо строила глаз-

ки своему отражению, расплетала косы, распуская волосы по плечам, принимала кокетливые позы и, мурлыча какую-то мелодию, кружилась по комнате, пока стены вокруг не начинали ходить ходуном. Тогда она валилась на пол и каталась по нему, пока не докатывалась до кровати. И все это время хохотала как безумная. Ма Хуаша лишь зачарованно наблюдала, как резвится подруга.

Наступил помывочный день. Их матери договорились сводить дочерей в заводскую баню. На входе они предъявили четыре талона. Талоны на баню отцы получали на себя, но откладывали специально для жен и дочерей. Ци Цяо проворно скинула плащ, свитер и сорочку, стянула через голову майку – и поглядела на красноватые пупырышки своих сосков.

– А у тебя такие есть? – спросила она у подруги.

– А то! – Ма Хуаша задрала одежду и продемонстрировала пару таких же пупырышков.

Ци Цяо протянула руку, чтобы потрогать, но Ма Хуаша увернулась. Девочки начали гоняться друг за другом и дурачиться. Ци Цяо стянула с себя трусики и швырнула подруге в лицо. И пока Ма Хуаша обижалась и смеялась одновременно, Ци Цяо с радостными воплями побежала в купальню.

В купальне клубился пар. Через слуховое окно под потолком пробивался тусклый свет. На макушки с журчанием полилась струя воды. Слегка ошалев от внезапной водной атаки, девочки отплевывались и отмахивались от брызг. На ду-

ше было радостно. Полностью намылившись, они принялись тереть друг другу спины – так старательно, будто исполняли некий ритуал, целью которого было отмыть детские тельца до божественной чистоты.

После купания Ци Цяо упросила маму намазать им с Ма Хуаша личики заветным кремом. После чего обе еще долго принюхивались к неземному аромату друг друга и красовались перед зеркалом.

Однажды во время купания случился серьезный инцидент. Мама Ци Цяо, подняв голову, заметила в слуховом окне чью-то тень. Кто-то подглядывал! Началась паника, обнаженные женщины бросились врассыпную с визгом и воплями: «Лови хулигана!» Злодей-неудачник бросился наутек, но скатился с крыши и подвернул ногу. Его тут же скрутили. «Хулиганом» оказался один из заводских механиков.

Это происшествие оставило в сердцах девочек неизгладимый след. При очередном визите в купальню обе держались настороже и постоянно озирались по сторонам: не маячит ли в густых парах силуэт чужака? Не выскочит ли он внезапно откуда не ждали? Женщин так легко обмануть! А вдруг он притаился где-нибудь сзади, чтобы застать их врасплох?

Мытье перестало быть для них просто мытьем – и превратилось в захватывающее приключение. При малейшем шорохе блестящие от влаги голые женщины в панике разбегались кто куда, врезаясь друг в друга. Кто-нибудь непременно поскальзывался, падал на кафельный пол и ругался от оби-

ды и боли. И только Ци Цяо с Ма Хуаша боязливо жались друг к дружке, напуганные эффектом от собственных проказ. Мама Ма Хуаша быстро сообразила, чьи это проделки. Обе матери отругали их по первое число – и больше в баню с собой не брали.

К весне Ма Хуаша наконец получила собственную пару белых кед – их купил ей отец. Какое же наслаждение – ступать по земле ногами в белоснежных кедах! Едва нога опускалась на землю, подошва пружинила, как мячик. И теперь уже обе девочки бегали в белых кедах под весенним солнцем, прелестные, как распутившиеся бутоны. Младший брат Ма Хуаша, проказник Ли, совсем потерял покой: при виде цветов многих мальчишек так и тянет их растоптать. Однажды Ли поссорился с сестрой, схватил ее кеды, стоявшие у кровати, и выбежал из дома. Ма Хуаша пулей рванула за ним – по дорогам и пустырям, перепрыгивая через заборы и канавы. Маленький Ли быстро выдохся. Поняв, что сестра вот-вот догонит его, он успел со всей силы зашвырнуть кеды куда подальше. И прежде, чем она схватила его за руки, ее заветные кеды, сверкнув в воздухе белой молнией, описали дугу и шлепнулись в сточную канаву у обочины.

Ма Хуаша, как разъяренная львица, повалила брата на землю, уселась ему на грудь и вцепилась в горло.

– А ну верни! – заревела она. – Верни мои кеды!

Стиснув зубы, обидчик хрипел и брыкался, не желая сда-

ваться. Такие ссоры между ними не были редкостью, но на сей раз Ма Хуаша рассвирепела не на шутку. Даже когда Ли совсем посинел и закатил глаза, она не ослабляла хватку.

Внезапно чья-то большая рука оторвала ее от земли и отшвырнула в сторону. А затем на голову девочки посыпались тумак и затрещины.

Ее мама, Хао Ланьжун, безжалостно колотила собственную дочь.

– Ты что творишь, дрянь?! – цедила она сквозь зубы. – Убить тебя мало!

Ма Хуаша втянула голову в плечи и не издавала ни звука. Все внутри дрожало, ей хотелось умереть на месте, лишь бы мама перестала злиться.

К ночи Ма Хуаша домой не вернулась, заночевала у Ци Цяо. Девочки спали под одним одеялом. Ци Цяо поведала подруге на ушко секрет, о котором еще никому не рассказывала. Она велела Ма Хуаша поклясться перед портретом Председателя Мао, что та никому не расскажет, а затем сообщила, что она сирота. Что ее нынешний папа, Ци Цзунъи, подобрал ее на улице.

Эта сенсационная новость, однако, не вызвала у Ма Хуаша ожидаемой реакции. Она продолжала витать в своих мыслях, будто грезила наяву. Волосы Ци Цяо щекотали ей лицо, под одеялом стало жарко от дыхания подруги, которая продолжала говорить. Темнота надежно укрыла их и будто унесла куда-то вдаль, где никто их не знает, где даже они сами не

знают, кто они. Через некоторое время девочки так и уснули в обнимку.

На следующий день Хао Ланьжун, выудив кеды дочери из канавы, тщательно выстирала их и отчистила до белизны. Когда кеды просохли, они выглядели как новенькие.

* * *

Каждое утро ни свет ни заря стайки детей высыпали из всех корпусов общежития, как картошка из прорванного мешка, и вприпрыжку бежали на уроки. Ци Цяо останавливалась под окнами Ма Хуаша и кричала: «Пора в школу!» Хуаша закидывала за спину ранец и выбегала из дома. После целой ночи разлуки подруги были так рады увидеться снова, что их свежeweмытые личики тут же озаряла улыбка.

Рассвет начинался с железной дороги. С ослепительных солнечных бликов на рельсах, убегających за горизонт. Девочки шли каждая по своему рельсу и соревновались, кто дольше продержится и не упадет. Казалось, в эти минуты все вокруг изумленно замирает, а затем вновь возвращается к жизни. Но после этого выглядит и движется как-то иначе. Уже без предвкушения грядущих перемен.

Через два дня Ма Хуаша не удержалась и осторожно спросила: «Ци Цяо, ты правда сирота?» Ответ был абсолютно неожиданным: Ци Цяо призналась, что вовсе не сирота. Она выдумала это, чтобы утешить подругу, когда больше не мог-

ла смотреть, как та переживает.

Девочки были неразлучны. Даже в туалет ходили вместе – ждали друг друга за дверью. Хуаша любила расчесывать подруге волосы. Она усаживала Ци Цяо на низенький табурет, сама садилась рядом на стул повыше и принималась расчесывать ей волосы гребнем. Густые волосы подруги струились у нее между пальцами, а сама Ци Цяо жмурилась от удовольствия.

Расчесав эти длинные волосы, Ма Хуаша заплетала их в две косички, а иногда – в шесть, в восемь или даже в двенадцать. Но постепенно поняла, что красивее всего смотрится одна большая коса. С такой косой Ци Цяо была прекрасна, как небесная фея, а Ма Хуаша гордилась и радовалась тому, что, уже просто находясь с нею рядом, в такую же фею превращается и сама.

Их тесная дружба вызывала у некоторых зависть. Одноклассницы относились к ним с нарочитым презрением и отказывались с ними играть, а за глаза сочиняли о них всякие гадости.

Одно время Хуаша чувствовала, что они отдаляются друг от друга: Ци Цяо играла в классики и прыгала в резиночку с другими девочками, а Хуаша могла только стоять в сторонке и смотреть. Однако на зимних каникулах они снова сдружились, как раньше, – а то и покрепче прежнего.

Небо было чистым, как глыба прозрачного синего льда. От мороза щекотало легкие, а в носу слипались волоски. В

такую погоду дети галдят на улицах жизнерадостнее всего, а некоторые просто визжат от восторга.

Братья Цяо – близнецы Чжун и Юн – умели кататься на коньках, но у них была всего одна пара на двоих, так что катались они по очереди. Увидев, как мальчишки, галдя и предрекаясь, собираются на каток, Ма Хуаша и Ци Цяо решили: «Надо залить собственный каток».

Они выбрали кусок земли за общежитием. Отыскали шланг. Тот оказался коротковатым, и его пришлось надставлять. В четыре руки они примотали к нему проволокой еще один кусок шланга и подсоединили к водопроводному крану. Пять дней они заливали выбранный участок водой. Вода, налитая днем, за ночь превращалась в прочный лед. Все меньше голой земли виднелось из-под льда, и в итоге весь участок превратился в гладкое, блестящее зеркало с узором из чуть выпуклых прожилок. Примотав к подошвам кроссовок крепкие палки, они брались за руки и катались по льду, пока одна из них не падала, после чего обе долго и залиристо хохотали. Белоснежное личико Ци Цяо на морозе краснело, скулы превращались в багровые бугорки, а черные глаза сияли от восторга. Ма Хуаша восхищенно любовалась красотою подруги, не в силах оторваться.

Девочки не хотели расставаться ни на минуту и по очереди ночевали друг у друга. В зимние ночи, темные и холодные, под одеялом особенно тепло и уютно. Накрывшись им с головой, они долго шептались, иногда сдавленно прыская

со смеху. Там, под одеялом, им открывался целый мир удивительных тайн. Порой Ци Цяо резко откидывала одеяло и выныривала наружу: от смеха ей не хватало воздуха. Их толстое стеганое одеяло то беззвучно ходило ходуном, то вздымалось волнами, а то и с тяжелым шорохом сползало на пол.

И уже за полночь, когда весь дом затихал, а веки начинали слипаться, зимняя ночь нежно окутывала их, как вата, и девочки засыпали с улыбками на устах.

Той зимой выдалось много снегопадов, и подружки, вооруженные огромными вениками, снова и снова выходили на битву с белыми хлопьями, засыпавшими с неба их персональный каток. И мели так усердно, что делалось жарко, ресницы тяжелели от налипшего инея, а носы хлопали. Но, как они ни старались, в итоге снег все плотнее укрывал их блестящий, как зеркало, каток – так же неумолимо, как уже укрыл все вокруг. Онемев от усталости, они, как в дурмане, с застывшей на лицах улыбкой возвращались домой.

Наступила весна, и за стенами двора, до самой дороги, разлилось настоящее половодье. И в той же самой впадине, что они заливали зимой под каток, образовался приличных размеров пруд. С каждым дуновением ветерка по водной глади прокатывалась мелкая рябь. Днем в пруду отражалось безмятежное синее небо, а утром и вечером его поверхность сияла ослепительным золотым светом. День за днем пруд уменьшался, и наконец земля вобрала его в себя без остатка.

Следующей зимой по общежитию разнеслась благая весть: Чжуна с Юном приняли в армию. А ведь мальчикам было всего по шестнадцать, и если бы их отец, отставной военный Ци Цзунъи, не похлопотал с особым усердием, не видать бы им армейской службы как своих ушей! Ночью Ма Хуаша услышала, как ее братишка всхлипывает под одеялом: «Я тоже... тоже хочу служить!» Затем в темноте раздался звонкий шлепок: Хао Ланьжун влепила сыну оплеуху.

– Лучше б учился как следует! – сдавленно ругнулась она.

В армию Чжуна с Юном провожала вся их семья, а Ма Хуаша присоединилась к прощанию уже на вокзале. На перроне собралась тьма народу, новенькая зеленая военная форма лоснилась и сияла, как доспехи, вокруг все галдели, а над головой то и дело горланили искаженные динамиками голоса. Но вот над платформой прогремел особый приказ, и все голоса разом стихли. Новобранцы выстроились колоннами и начали друг за другом заходить в вагоны. На их лицах, еще по-детски наивных, но неожиданно посуровевших, читалось волнение пополам с гордостью.

Поезд тронулся с места с оглушительным скрежетом, и перрон захлестнуло женскими воплями и рыданиями. Разревелась и Ци Цяо, а Ма Хуаша сглатывала слезы в молчании. Прощальный плач уносился вслед за уходящим поездом и

медленно затихал с каждым перестуком колес.

Состав был уже далеко, и бабий вой унялся, но девочки все никак не могли успокоиться. Возвращаться домой не было никакого желания, и они бесцельно слонялись по улицам. Глаза их покраснели и опухли от слез, а юные сердечки дрожали от опустошенности и блаженной радости одновременно.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.